

ТАЙНЫ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

Мы бросаем призывы в пространство
С тонких мачт в недоступную даль...
Там — суровой души постоянство,
Тут — кровавая верная сталь...¹ —

такими стихами откликнулся весной 1919 года белогвардейский журнал «Донская Волна» на известия из далекой Сибири о наступлении армий Верховного Правителя России и Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами адмирала Александра Васильевича Колчака. Через тысячи верст и несколько фронтов ничем не примечательный ростовский поэт увидел и выделил в образе своего героя черты («суровой души постоянство»), казавшиеся ему главными, определяющими, но... относящиеся скорее к «книжному» стереотипу «диктатора», чем к живому человеку.

Был ли адмирал Колчак таким в действительности? Многочисленные источники, особенно периода Гражданской войны (о которой и написано большинство воспоминаний), скорее рисуют его совсем другим — эмоциональным, подверженным чужим влияниям, вспыльчивым до крайности и даже, пожалуй, «через край», так что знаменитые «шторма» адмирала не раз отмечались в исторической литературе едва ли не как самая характерная его черта. «Говорят, что когда Колчак разоидется, то ни в выражениях, ни в жестах не стесняется и штормует вовсю, применяя обширный по этой части морской лексикон»; «я пытался доложить свои доводы, но с адмиралом начался шторм, он стал кромсать ножом ручку своего кресла...»²; «Адмирал начал волноваться. С обычной своею манерою в минуты раздражения, он стал искать на столе предмета, на котором можно было бы вылить накипевшее раздражение»³; «вскочил на ноги и затем стал метаться по кабинету из угла в угол, словно разъяренный зверь в клетке»⁴; «Верховный был в необыкновенно нервном настроении и во время разговора с [генералами] Дитерихсом и Сахаровым сломал несколько карандашей и чернильницу, пролив чернила на свой письменный стол»;

«Колчак здесь потерял совершенно всякое самообладание, стал топтать ногами и в точном смысле [слова] стал кричать...»⁵; «в воскресенье, как мне рассказывают, он разбил за столом четыре стакана»⁶; «...Верховный Правитель его вызвал в Омск, запустил в него тарелкой и послал командовать в 12-ую Уральскую стрелковую дивизию»⁷... — эти и подобные им цитаты рисуют образ скорее непривлекательный и в любом случае лишенный того ореола, которым была окружена фигура адмирала и в годы Белой борьбы, и позже (до некоторой степени — даже в стане его врагов).

«Мягкая простота в подтянуто-деловой героичности — так, кажется, можно определить существо его личности, — размышляет о Колчаке выдающийся церковный писатель, архимандрит Константин (Зайцев). — Некое поэтическое тепло исходило от него даже и в далеком отчуждении, но тут же вырисовывался стальной силуэт боевого вождя, сочетающего ничем не возмутимое личное мужество с, гением пронизанной, властью»⁸. В этих словах, сказанных как будто совсем о другом человеке, можно и заподозрить чрезмерную идеализацию, — и почувствовать глубокое духовное прозрение, для которого удаленность ни в пространстве, ни во времени не может являться помехой: теряя черты, безусловно важные и необходимые для создания портрета человека со всеми его индивидуальными особенностями, облик Верховного словно освобождается от сиюминутного, брэнного, сохраняя ту бессмертную сущность души, высокий строй которой и выделил, и возвысил Александра Васильевича Колчака над охваченною Смутой Россией, великого адмирала — над «взбаламученным морем», бушующим на месте погибшей Империи.

Но любого, кто пишет о Колчаке, подстерегает угроза с потерей упомянутых выше живых черт упустить из виду и нечто, помогающее понять состояние этого человека в самые главные и самые тяжелые, роковые месяцы его жизни. Ретушь опасна, тем более когда она превращается в штукатурку, а оценки, подобные той, которую дал адмиралу архимандрит Константин, иногда побуждают остановиться на них... и, разглядев подвиг Верховного Прави-

теля, не приблизиться к постижению трагедии воина Александра. «Его лицо было гораздо резче и выразительнее...» — писала в частном письме об одной «очень официальной фотографии» адмирала Анна Васильевна Тимирева — женщина, чья любовь буквально озаряла его последние годы. — «Я понимаю, что Вам трудно представить его в жизни: надо сказать, что он был не обычный человек, и за всю мою долгую жизнь я не встречала никого, на него похожего. [...] Ни одна фотография не передает его характер. Его лицо отражало все оттенки мысли и чувства, в хорошие минуты оно словно светилось внутренним светом и тогда было прекрасно...»⁹ И сложность характера адмирала Колчака, включая сюда и уже известные нам эмоциональные вспышки, сама становилась «историческим фактором», побуждая к действиям или отвращая от них человека, вознесенного на такую высоту. «...Как бы ни была интересна личность адмирала, его характеристика в настоящее время не только не может быть отделена, но целиком должна поглощаться характеристикой того политического движения, которое он возглавлял», — писал менее чем через год после трагического завершения колчаковской эпопеи один из сотрудников Верховного — член Всероссийского Правительства¹⁰, будучи в этом рассуждении и прав, и неправ одновременно. Личность Колчака — не из тех, что могут «поглотиться» даже описанием крупных общественных явлений, политических катаклизмов; но столь же очевидна неразрывность связи ее с тем делом — Белым Делом, — которому отдал адмирал свои силы и жизнь. Александр Васильевич Колчак — всего лишь часть русского, Белого Дела; но часть настолько значительная, что понимание хода событий, судеб всего движения в целом, невозможно без попыток разобраться в личности этого выдающегося человека, приблизиться к разгадке его образа — цельного и противоречивого в одно и то же время.

* * *

Александр Колчак родился 4 ноября 1874 года (даты до 1/14 февраля 1918 года приводятся по старому стилю) в Санкт-Петербурге, где его отец, Василий Иванович,

служил на Обуховском сталелитейном заводе. Талантливый инженер, В. И. Колчак имел за плечами и боевой опыт, в годы Крымской войны приняв участие в легендарной обороне Севастополя: один из последних выстрелов по врагу с Малахова кургана был сделан юнкером морской артиллерии Колчаком¹¹; мать Александра, Ольга Ильинична (урожденная Посохова), очень набожная женщина, передала мальчику искреннюю религиозность, о которой ее внук, сын адмирала, даже напишет потом как о «довольно строгом, даже аскетически-монашеском мировоззрении»¹². Очевидно, в военной семье частью воспитания было и чтение, через много лет рекомендованное Верховным Правителем сыну в последнем письме — по сути, завещании: «Читай военную историю и дела великих людей и учись по ним, как надо поступать, — это единственный путь, чтобы стать полезным слугой Родине. Нет ничего выше Родины и служения Ей»¹³. И возможно, что в сознании Александра Колчака уже с ранних лет служение воина (путь, вряд ли мыслимый без честолюбия, — «солдат должен носить в своем ранце маршальский жезл!») освещалось и освящалось духом Христианского служения — самоотвержения, смирения... и неизменной готовности к жертве.

Правда, на первых этапах жизненного пути флотского офицера Колчака эти черты, пожалуй, еще не выглядят доминирующими. Перед нами скорее — блистательный молодой моряк, исключительно щедро одаренный природой, яркий и привлекающий к себе общее внимание: «Он входил — и все кругом делалось как праздник; как он любил это слово!»¹⁴ Колчак — один из лучших воспитанников Морского кадетского корпуса (окончил в 1894 году); сразу зарекомендовавший себя выдающимся ученым — исследователем полярных морей; волевой и мужественный мореход, совершивший смелое до дерзости и неправдоподобное по сложности путешествие на поиски пропавшего в арктических просторах начальника Русской Полярной Экспедиции барона Э. В. Толля, — поход, значение которого далеко не исчерпывается строками официального документа о присуждении лейтенанту Колчаку высшей награды Императорского Русского географического обще-

ства — Большой Константиновской золотой медали «за участие в экспедиции барона Э. В. Тол[л]я и за путешествие на остров Беннета, составляющее важный географический подвиг, совершение которого было сопряжено с большими трудностями и опасностью для жизни»¹⁵... Далее в биографии Колчака — защита Порт-Артура в годы Русско-Японской войны, на которую он устремился немедленно по возвращении из полярной экспедиции (телеграмма в Академию Наук: «Еду на войну из Иркутска документы и отчеты высылаю из Иркутска если есть распоряжения телеграфируйте срочно...»¹⁶) и где прошел все этапы военной страды: действия на море (в том числе — командиром миноносца), командование батареями морских орудий на сухопутном фронте, ранение и тяжелые болезни — последствие арктических странствий, тягостный плен после сдачи крепости генералом А. М. Стесселем, а по возвращении в Россию — Золотое Оружие «за отличие в делах против неприятеля»; активная деятельность в межвоенный период, который сам Колчак назвал «периодом борьбы за возрождение флота»¹⁷ — борьбы за реорганизацию управления Флотом и увеличение корабельного состава после Цусимской катастрофы, за наилучшую подготовку Флота к будущей войне; пылкие выступления в Комиссии III-й Государственной Думы по государственной обороне, снискавшие оратору широкую известность и даже популярность в общественных кругах («Колчак, — с уважением писал впоследствии его тогдашний оппонент, — был страстным защитником скорейшего возрождения флота, он буквально сгорал от нетерпения увидеть начало этого процесса, он вкладывал в создание морской силы всю свою душу, всего себя целиком, был в этом вопросе фанатиком»¹⁸); и наряду с этим — мечты о дальнейших исследованиях Крайнего Севера, освоении Северного морского пути, которому отважный моряк уже не только придает научное значение, но и считает делом «государственной важности»¹⁹...

С началом в 1914 году Великой войны Александр Васильевич — мозг и душа боевых действий на Балтике, и, по словам его соратника, «можно сказать, что история деятельности Колчака в Балтийском море есть история

этого флота во время войны. Каждое боевое предприятие совершалось по планам, им разработанным, в каждую операцию он вкладывал свою душу, каждый офицер и матрос понимал, что его ведет Колчак к успехам»²⁰; здесь его ждет почетнейшая боевая награда — Орден Святого Георгия IV-й степени и поистине феерическое чинопроизводство: начав войну капитаном I-го ранга и будучи 10 апреля 1916 года произведен в контр-адмиралы, уже 28 июня, согласно Высочайшему приказу, Колчак становится вице-адмиралом и получает назначение на пост Командующего Флотом Черного моря. «Поздравляю Вас с хорошим вступлением в должность, — напишет ему вскоре с Балтики недавний начальник. — Выйти в море для преследования неприятеля в первое же утро по подъеме флага — очень хороший признак и вполне соответствует Вашему активному характеру и образу действий»²¹. Лелея мечту, основанную на словах Августейшего Верховного Главнокомандующего — Императора Николая II, что «ход событий войны» приведет руководимый им Флот «к решению исторической судьбы Черного моря»²², Колчак рвется в предстоящую весенне-летнюю кампанию 1917 года «открыть ворота Константинополя», порывом своим заражая и окружающих, — тогдашний его собеседник даже посчитал необходимым в своих воспоминаниях специально отметить это, равно как и резкий контраст между Колчаком и его предшественником: «Высокий (такова сила обаяния — мемуаристы обычно отмечают небольшой рост Александра Васильевича. — А. К.), бритый, с англазированным лицом, с пронизывающим взглядом, адмирал был так далек от тихого старичка адмирала Эбергарда, который до него командовал флотом, такой энергией и волей веяло от его сурового лица, что невольно верилось его словам и надеждам»²³.

Таким подошел будущий Верховный Правитель России к роковому для страны 1917 году.

* * *

Находясь в море, в боевой операции, адмирал Колчак не принял участия в телеграфном совещании Главно-

командующих фронтами, поддержавших идею отречения Императора Николая II в пользу Цесаревича Алексея Николаевича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Однако после того, как отречение совершилось, а Великий Князь, в свою очередь, отложил окончательное решение вопроса о восприятии Верховной Власти до народного волеизъявления, — боевым командирам волей-неволей пришлось задуматься о том, что ожидало теперь Россию. Должен был определить свою позицию и Колчак, причем, согласно одному свидетельству современника, он проявил при этом выдающуюся решительность и готовность к активным действиям.

«Когда в 1917 г., — цитирует историк С. П. Мельгунов письмо капитана 2-го ранга А. П. Лукина, написанное, очевидно, в конце 1920-х или начале 1930-х годов, — дошли до Севастополя первые зарницы революции, герцог С[ергей] Г[еоргиевич] Лейхтенбергский (пасынок в[еликого] кн[язя] Н[иколая] Н[иколаевича]) был экстренно командирован в Батум на специальном миноносце для свидания с Ник[олаем] Никол[аевичем]. Эта миссия была секретная и настолько срочная, что командиру миноносца дано было предписание “сжечь котлы, но полным ходом доставить герцога к отходу батумского поезда”. Тогда ходили слухи, что в контакте с Балтийским флотом (о массовых убийствах офицеров на Балтике в первые же революционные дни, должно быть, еще ничего не было известно. — А. К.) и некоторыми войсковыми частями Черноморский флот должен был перейти в Батум и там и по всему побережью произвести демонстрации в пользу Ник[олая] Ник[олаевича] и доставить его через Одессу на румынский фронт и объявить императором, а герц[ога] Лейхтенбергского — наследником. Такие слухи циркулировали во флоте в эпоху, когда Петроград был отрезан и еще было не известно, чем все это кончится»²⁴. Надо сразу заметить, что рассказ (по признанию самого его автора, основанный в значительной степени на неподтвержденных слухах) выглядит довольно сомнительным: биографы как Великого Князя Николая Николаевича²⁵, так и адмирала Колчака (его близкий сотрудник и друг, адмирал М. И. Смирнов)²⁶ умалчивают о чем-либо подобном, да и

сам Лукин в своем сборнике очерков из жизни флота, вышедшем тремя годами позже книги Мельгунова, не только не развивает столь интересной темы, но и вообще больше не упоминает о попытке Колчака или миссии Герцога Лейхтенбергского²⁷; к тому же, в своих сочинениях Лукин обнаруживал явную склонность к беллетризации, что для мемуариста и историка вообще кажется нам предосудительным. Тем не менее вряд ли следует полностью отвергать столь подробный рассказ, допускающий интерпретацию действий Колчака не как «реставраторской» контрреволюции в прямом смысле слова, а как предложения широкомасштабной *военной демонстрации* «Юга» в противовес солдатскому мятежу «Севера», с декларацией поддержки нового Верховного Главнокомандующего и вообще — государственнического течения. После этого позволительно задаться вопросом, имел ли в виду адмирал, когда 11 марта писал в частном письме: «Десять дней я занимался политикой и чувствую глубокое к ней отвращение, ибо моя политика — повеление (так в документе. Возможно, следует читать «повиновение». — А. К.) власти, которая может повелевать мною», — только работу по поддержанию спокойствия во вверенном ему Флоте («...мне пришлось заниматься политикой и руководить дезорганизованной истеричной толпой, чтобы привести ее в нормальное состояние и подавить инстинкты и стремление к первобытной анархии»)²⁸ и что в беседе с адмиралом вызвало раздраженную реплику Николая Николаевича, услышанную собеседником 7 марта: «Он прямо невозможен»²⁹ (*оперативные* планы и предложения Командующего Черноморским Флотом как будто не встречали столь негативного отзыва Главнокомандующего Кавказской Армией)...

В любом случае, «посадить на престол» такого человека, как Великий Князь Николай Николаевич, без его ведома и согласия было, разумеется, невозможно, а сам он не пожелал давать своего имени ни для каких монархических предприятий. Поэтому попытка адмирала Колчака, если она соответствовала рассказу Лукина, с самого начала выглядит покушением с негодными средствами; однако, уже без ставки на Великого Князя, идея военной демонстрации обсуждалась тогда и другими высокими чинами.

Так, в середине марта неофициальное совещание старших кавалерийских начальников, чьи войска находились на Румынском фронте, предполагало в день присяги новой власти обратиться «от лица всей собранной в Бессарабии конницы к временному правительству с адресом, побуждающим его к более энергичному проявлению своей воли», но проект этот не реализовался, возможно, из-за отказа участвовать в его осуществлении (и вообще «менять присягу») генерала графа Ф. А. Келлера, чей авторитет в русской коннице стоял на недосягаемой высоте³⁰. А вскоре, 23 апреля, генералы А. М. Крымов и барон К. К. Маннергейм даже обсуждали возможность переброски войск в Петроград «для наведения порядка и спасения от полного развала Российской Империи»³¹.

Перевезти несколько конных дивизий по железной дороге и тем более — провести их через полстраны походным порядком в условиях развивающейся смуты и продолжающейся войны с «врагом внешним» оказалось немыслимым, но энергичный и искренний патриот Крымов не хотел смиряться. «Есть основания предполагать, — пишет хорошо осведомленный А. И. Деникин, — что возникшая по инициативе генерала Крымова на Юго-Западном фронте офицерская организация, охватившая главным образом части 3[-го] конного корпуса и Киевский гарнизон (полки гвардейской кавалерии, училища, технические школы и т. д.), имела первоначальной целью создание из Киева центра будущей военной борьбы. Генерал Крымов считал фронт конченным и полное разложение армии — вопросом даже не месяцев, а недель. План его, по-видимому, заключался в том, чтобы в случае падения фронта идти со своим корпусом форсированными маршами к Киеву, занять этот город и, утвердившись в нем, “кликнуть клич”. Все лучшее, все, не утратившее еще чувства патриотизма, должно было отозваться, и прежде всего офицерство, которое, таким образом, могло избежать опасности быть раздавленным солдатской волной. В дальнейшем возможно было продолжение европейской войны хотя и не сплошным фронтом, но сильными отборными частями, которые, и отступая вглубь страны, отвлекали бы на себя большие силы австро-германцев...»³²

Запомним фамилию Крымова и его планы, к которым нам еще предстоит вернуться, а пока обратимся вновь к положению на Черном море, где, благодаря усилиям адмирала Колчака, в течение трех месяцев после переворота (то есть по меркам революционным, когда события вообще сменяют друг друга с головокружительной быстротой, — чрезвычайно долго) не только сохранялись дисциплина и боеспособность, но и происходило нечто неожиданное: именно матросы, «братишки» которых на Балтике уже запятнали себя кровавыми расправами с офицерами, становились здесь «элементом порядка», в ряде случаев обуздывая солдат, быстро разложившихся и рвавшихся по домам — «делить землю».

Такую моральную устойчивость черноморцев (пусть и относительную и не слишком долговечную) нельзя приписать ничему иному, кроме высокого авторитета Командующего Флотом и даже более — того иррационального, не поддающегося до конца объяснения обаяния, ореола, которым была окружена героическая фигура Колчака и который далеко не всегда соответствовал реальности: в порывах преданности революционные матросы готовы были приписывать своему кумиру поступки, совершенно для него немислимые («Может, опять Миколашку наговорить хотят?» — передает современник матросские пересуды о совещании командного состава. — «Н-но, браток, там сам Колчак!» — «А что тебе Колчак?» — «Н-но, браток, Колчак не даст. Колчак сам в есеры записался!»³³).

Это тем более примечательно, что Александр Васильевич по всему складу своей личности был не способен подыгрывать и идти на поводу у толпы, не говоря уж о том, чтобы спекулировать революционной фразой и искать популярности на открывавшихся новых путях: в дни, когда, по словам генерала Деникина, «оппортунизм» был «не только слабостью, но и преступлением»³⁴, адмирал Колчак являл собою образец твердости и непреклонности.

Как нельзя лучше проявилось это в речи Колчака, произнесенной 25 апреля 1917 года перед членами Офицерского союза Черноморского Флота, а также делегатами от матросов, солдат и рабочих. Ни слова лести, ни одного реверанса в сторону Временного Правительства,

ни намек на попытку приспособиться (хотя бы и из самых благих побуждений!) к господствующим в «Свободной России» настроениям нет в словах адмирала. «Я хочу сказать флоту Черного моря о действительном положении нашего флота и армии, о том, что из такого положения вытекает, как нечто совершенно определенное, и какие последствия влечет это положение в ближайшем будущем. Я буду говорить об очень тяжелых и печальных вещах, и я долго думал, говорить ли о них совершенно откровенно, так как многих слабых людей это сообщение могло бы привести в состояние, близкое к отчаянию, к представлению, что все потеряно и выхода из создавшегося положения нет. Но я не буду считаться с ними — я буду говорить для сильных и твердых людей, способных хладнокровно и спокойно смотреть в глаза надвигающейся катастрофе, обдумать и взвесить ее значение, а затем делом и поступками ее предотвратить»³⁵, — такова принципиальная позиция адмирала, и она сохранится до конца, в течение всех грядущих смутных лет России, которой и полтора года спустя, уже Верховным Правителем, он не сможет предложить ничего, кроме тернистого пути «труда и жертв».

Колчак ставит диагноз: «Мы стоим перед распадом и уничтожением нашей вооруженной силы во время мировой войны, когда решается участь и судьба народов оружием и только при его посредстве. Причины такого положения лежат в уничтожении дисциплины и [в] дезорганизации вооруженной силы и последующей возможности управления ею или командования». Колчак предупреждает: «...Явление дезорганизации комсостава, крайняя трудность и даже невозможность военной работы, удаление и вынужденный уход многих опытных начальников и офицеров, лучшие из которых ищут места в армиях наших союзников для выполнения долга перед Родиной, с одной стороны, и явления сношения с неприятелем и дезертирство, с другой, создают грозные перспективы в будущем». Колчак обличает: «Жалкое недомыслие, глубокое невежество, при полном отсутствии военной дисциплины, сознания долга и чести, вызвали это “братание” (с противником на сухопутном фронте. — А. К.)...» Колчак пред-

лагает слушателям альтернативу: «...Если дух армии изменится в лучшую сторону, если мы сумеем создать в ближайшие дни дисциплину, восстановить организацию и дать возможность комсоставу заняться оперативной работой, мы выйдем из предстоящих испытаний достойным образом. Если же мы будем продолжать идти по тому пути, на который наша армия и флот вступили, то нас ждет поражение со всеми проистекающими из этого последствиями». Колчак иронизирует: «Суждения обитателей, собравшихся в горящем доме, о вопросах порядка следующего дня приходится признать несколько академичными». Колчак убеждает: «Текущая война есть в настоящее время для всего мира дело гораздо большей важности, чем наша великая революция. Обидно это или нет для нашего самолюбия, но это так, и, совершив государственный переворот, нам надо прежде всего подумать и заняться войной, отложив обсуждение не только мировых вопросов, но и большинство внутренних реформ до ее окончания». Наконец, Колчак указывает выход: «Первая забота — это восстановление духа и боевой мощи тех частей армии и флота, которые ее утратили, это путь дисциплины и организации, а для этого надо прекратить немедленно доморощенные реформы, основанные на самомнении и невежестве»³⁶... Но был ли услышан адмирал Колчак?

Симпатии и антипатии революционной толпы крайне непостоянны, и, пока по столицам гремела «черноморская делегация», посланная по инициативе Командующего для демонстрации единства офицеров и нижних чинов, для укрепления слабых и пристыжения «пораженцев» и стремящихся к немедленному и позорному «замирению», — в самом Флоте, в известной степени ослабленном этой командировкой «наиболее патриотично настроенных и способных матросов и солдат» (до пятисот человек!)³⁷, стали набирать силу анархо-большевицкие настроения. Раздуваемое агитаторами недоверие к командному составу повлекло требования поголовного разоружения офицеров, после чего считать Черноморский Флот боевой силой было уже трудно, — и адмирал Колчак, бросив в море свое Золотое Оружие («“Не от вас

я его получил, не вам и отдам”, — сказал адмирал, не думая, что за этим жестом мог легко наступить и его черед быть выброшенным за борт. Если этого не случилось, то только потому, что величие духа действует, очевидно, даже на взбунтовавшихся рабов», — с восхищением пишет современник³⁸), спустил флаг Командующего. Следующее оскорбление было нанесено ему Временным Правительством, фактически обвинившим адмирала в том, что он «допустил явный бунт в Черноморском флоте»³⁹, и вызвавшим его в Петроград для объяснений.

Очевидно, перед этими ударами судьбы Александр Васильевич оказался беззащитным. «Его едва можно было узнать, — пишет мемуарист, помнивший Колчака по выступлениям в думской комиссии и вновь встретившийся с ним в столице. — Это был уже другой человек. Исхудавший, осунувшийся, видимо, глубоко потрясенный тем развалом, который разложил уже балтийский флот и успел перекинуться в Черное море. Все, чем он жил, над чем он работал, что так любил, так старательно создавал, все разом рухнуло, обратилось в прах и разложение»⁴⁰. Из воспоминаний не вполне понятно, относится ли этот портрет адмирала к его первому после революции (апрельскому) или второму (июньскому) приезду в Петроград, — но, если даже речь и идет об апреле, ясно, что летом состояние Александра Васильевича должно было неизмеримо ухудшиться. И поэтому популярные ныне спекуляции на гневных словах черновика одного из его писем — «Я хотел вести свой флот по пути славы и чести, я хотел дать родине вооруженную силу, как я ее понимаю, для решения тех задач, которые так или иначе рано или поздно будут решены, но бессильное и глупое правительство и обезумевший — дикий — и лишенный подобия[,] неспособный выйти из психологии рабов народ этого не захотели»⁴¹, — должны смолкнуть перед той бурей и смятением чувств, которые владели адмиралом в те дни. Здесь нет ни гордыни, ни высокомерия, ни презрения к людям, — здесь лишь живая искренняя боль воина, чье многолетнее беззаветное служение Отчизне оказалось отвергнутым и чьи чувства долга, преданности и самопожертвования — поруганными; и точно такую же болью продиктованы другие слова,

написанные Колчаком после принятия приглашения американской военно-морской миссии отправиться в США для передачи опыта минных постановок, — слова, тоже нередко оборачиваемые против него: «...Я оказался в положении, близком к кондотьеру, предложившему чужой стране свой военный опыт, знания и, в случае надобности, голову и жизнь в придачу»⁴².

И адмирал будет вновь возвращаться к этому роковому слову — «кондотьер», которое так любят злорадно припоминать его недруги. «Мне нет места на родине, которой я служил почти 25 лет, и вот, дойдя до предела, который мне могла дать служба, я нахожусь теперь в положении кондотьера и предлагаю свои военные знания, опыт и способности чужому флоту»; «я отдаю отчет в своем положении — всякий военный, отдающий другому государству все, до своей жизни включительно (а в этом и есть сущность военной службы), является кондотьером с весьма сомнительным [отражением] на идейную или материальную сущность этой профессии», — пишет Колчак, как будто нарочно растравливая кровотокающую рану, как будто сознательно усугубляя внутренний надлом в своей гордой и сильной душе, терзая себя миражем взятия Константинополя («Моя родина оказалась несостоятельной осуществить эту мечту; ее пробовала реализовать великая морская держава, и главные деятели ее отказались от нее с величайшим страданием, которое дает сознание невыполненных великих планов... — говорит он, очевидно имея в виду неудачную Дарданелльскую операцию армии и флота Великобритании в марте — декабре 1915 года. — Быть может, лучи высшего счастья, доступного на земле, — счастья военного успеха и удачи, — осветят чужой флаг, который будет тогда для меня таким же близким и родным, как тот, который теперь уже стал для меня воспоминанием»), в черновиках посланий к любимой женщине беспощадно обостряя формулировки, как бы ожидая нового удара судьбы и снова проверяя себя на излом — «Моя вера в войну, ставшая положительно каким-то религиозным убеждением, покажется Вам дикой и абсурдной, и в конечном результате страшная формула, что я поставил войну выше родины, выше всего, быть может, вызовет у Вас

чувство неприязни и негодования. [...] Минутами делается так тяжело, что кажется ненужным и безнадежным писать это письмо Вам», — и с тягостным вздохом приоткрывая, какую выжженной пустыней была, должно быть, в те месяцы его душа: «За эти полгода, проведенных за границей, я дошел, по-видимому, до предела, когда слава, стыд, позор, негодование (так в публикации документа. По смыслу возможно чтение: «...когда слова стыд, позор, негодование...» — А. К.) уже потеряли всякий смысл, и я более ими никогда не пользуюсь»⁴³. Последняя фраза, как видно из цитаты, была сказана уже во время «командировки» Колчака, которая сама по себе стала в значительной степени следствием борьбы «подводных» политических течений и — независимо от планов адмирала «продолжать войну» — могла восприниматься им как очередное оскорбление.

Это было связано с ненормальной, экзальтированной атмосферой революционной столицы. Прославленный моряк, оказавшись в Петрограде, немедленно привлек к себе внимание как тех, кто боялся «нового Бонапарта» и готов был видеть его в каждом патриотически настроенном военачальнике, так и тех, кто грезил о «спасителе Отечества», который сумеет обуздать толпу и ввести разбуженную стихию в русло государственного строительства. Собирались и распадались группы и группки, кружки, «центры», проводились совещания и консультации, и наряду с именами руководителей Армии — генералов Л. Г. Корнилова, М. В. Алексева, А. А. Брусилова, — все громче звучало имя героя Флота, адмирала Колчака.

Друг Александра Васильевича, адмирал Смирнов, даже утверждал впоследствии, что дело заходило достаточно далеко. «В Петрограде возник ряд патриотических организаций, которые готовились к подавлению большевистских организаций силой оружия и к устранению из состава правительства “друзей большевиков”, — рассказывает он. — Эти организации пригласили Колчака объединить их деятельность и стать во главе движения. Колчак согласился. Началась работа в этом направлении. Колчак решил остаться в России. Однажды вечером мы получили известие, что наша организация раскрыта Керенским.

На другой день Адмирал Колчак получил собственноручное письмо от Керенского с приказанием немедленно отбыть в Америку»⁴⁴. Впрочем, возможно, что серьезность планов и намерений здесь преувеличена, а «организации», выдвигавшие на первые роли Колчака, были в действительности лишь группами энтузиастов, которые выступали с частными инициативами, никак не координируя их с работой своих потенциальных союзников. Генерал Г. И. Клерже вспоминал через полтора десятилетия, как однажды летом 1917 года на полуконспиративном заседании кружка «корниловского толка» он неожиданно для себя услышал, «что, мол, созревшее движение, в условиях современной ответственной обстановки в России, возглавить должен никто иной, как уже известный на всю Россию герой Рижского залива (в Рижском заливе в 1915 году была проведена одна из успешных морских операций, действительно тесно связанная с именем служившего тогда на Балтике Колчака. — А. К.) Адмирал А. В. Колчак». Заявление показалось Клерже странным — «о Генерале Л. Г. Корнилове, имя которого было в то время на устах у всей России, в этом заседании, к крайнему удивлению, ничего ни разу не было сказано. ...Выходило так, как-будто все движение до сего времени исходило только от имени Адмирала Колчака и под его непосредственным контролем и руководством». Не исключено, что подобная инициатива оказалась сюрпризом и для приглашенного на «совещание» Колчака, уже готовившегося к отъезду: по рассказу Клерже, адмирал лишь «просил членов заседания поддерживать с ним самую тесную связь и, в случае успешного завершения движения, телеграфировать ему для того, чтобы он смог немедленно вернуться обратно в Россию»⁴⁵.

Поэтому вряд ли стоит строить предположения, «как бы сложилась судьба Александра Васильевича, окажись он в августе 1917 г. в Петрограде? И как бы сложилась судьба России, если бы к моменту выступления Корнилова в столице находился решительный лидер, авторитетный в войсках?»⁴⁶ Заметим, что, по сведениям назначенного Временным Правительством начальника столичной военно-окружной контрразведки, социалиста-революци-

онера Н. Д. Миронова, «организация», в которую входил Клерже, имела монархический характер⁴⁷, то есть в политическом спектре находилась правее армейского командования, еще занимавшего лояльную к новой власти позицию, — а руководство «корниловско-алексеевского» Союза офицеров Армии и Флота, вынашивавшее планы военной диктатуры, фактически предпочло отстранить Колчака, очевидно, во имя своего «кандидата» — генерала Корнилова. Председатель Главного Комитета Союза, подполковник Л. Н. Новосильцов, так вспоминал о своей «совершенно секретной беседе» с опальным адмиралом: «Он интересовался, что, собственно, сделано, — какие планы. Говорил, что если надо, то он останется, но только если есть что-либо серьезное, а не легкомысленная авантюра. Я должен был ему объяснить, что серьезного пока еще ничего не готово, что скоро ничего ожидать нельзя. Я посоветовал ему уехать, а затем вышло так, что Керенский предложил ему уехать чуть ли не в одни сутки. Колчак соглашался даже перейти на нелегальное положение, если бы это было надо, но надобности скоро не предвиделось, в Америке он мог принести больше пользы, и он уехал»⁴⁸.

Нельзя сказать, правда, чтобы «корниловцы», — которые, собственно, и были заговорщиками и подлинными игроками в политической игре в значительно большей степени, чем сам генерал, чье окружение они составляли, — полностью отвергали адмирала и не связывали с его именем никаких расчетов: Колчака видели Морским Министром или Управляющим Морским Министерством в проектировавшемся «кабинете Корнилова»⁴⁹, а накануне августовского кризиса в Ставке Верховного Главнокомандующего «был набросан проект Совета народной обороны» во главе с Корниловым и при участии генерала Алексеева, адмирала Колчака и представителей «демократии» — А. Ф. Керенского, Б. В. Савинкова и комиссара Временного Правительства при Верховном, штабс-капитана М. М. Филоненко: «этот Совет обороны должен был осуществить коллективную диктатуру, так как установление единоличной диктатуры было признано нежелательным»⁵⁰. Очевидно, однако, что в «корниловских»

кругах Александр Васильевич почитался лишь потенциальным сотрудником, весьма ценным, но не более того.

С другой стороны, как свидетельствует Деникин, окончательная консолидация государственно-мыслящих сил вокруг генерала Корнилова произошла только после его назначения Верховным Главнокомандующим⁵¹ (18 июля), то есть менее чем за десять дней до отъезда Колчака из России (27 июля). До этого же, в течение месяца с лишним пребывания адмирала в Петрограде, он был фигурой вполне самостоятельной, и потому, рассуждая о нереализованных вариантах развития событий, следует не столько подозревать в Колчаке некоего «резидента» «корниловской партии», сколько предполагать возможность выдвижения и поддержки именно его как потенциального диктатора со стороны кого-либо из тех, кто позже склонился к «корниловской ориентации».

Одну из таких «организаций» мы уже видели — кружок, в который входил Клерже; ранее было упомянуто о другой, скорее всего намного более серьезной — создававшейся генералом Крымовым на юге; и сейчас время вспомнить о ней, поскольку именно в начале июля в Петрограде появляется офицер, долгое время служивший под началом Крымова, а в недалеком будущем — активный участник военно-политической борьбы на Востоке России, оставивший свой след не только на страницах истории, но и в биографии адмирала Колчака.

Этим офицером был есаул Г. М. Семенов, младший соратник Крымова по Уссурийской конной дивизии, командование которой стяжало генералу славу выдающегося кавалерийского начальника. Семенов — храбрый, сметливый, решительный, умеющий держать свои мысли в тайне, по мнению другого его командира (барона П. Н. Врангеля), «весьма популярный среди казаков и офицеров»⁵², несколько месяцев занимавший пост полкового адъютанта и в этом качестве, несомненно, бывший на виду у начальника дивизии, — переводился на Кавказский фронт, но уже весной 1917 года вернулся в Уссурийскую дивизию (Крымов получил повышение, но дивизия по-прежнему входила в состав его III-го конного корпуса) и... менее чем через два месяца отбыл в Петроград с проектом формиро-

вания добровольческих частей из инородческого населения Забайкалья.

«Находясь в ожидании того или иного решения о своем деле, я от нечего делать начал завязывать случайные знакомства в городе», — вспоминает Семенов⁵³, явно чего-то недоговаривая, поскольку плодом этих якобы досужих «знакомств» и наблюдений явился план военного переворота с ликвидацией Совета рабочих и солдатских депутатов и, при необходимости, — даже Временного Правительства, на смену которому должна была придти военная диктатура⁵⁴. Размышления на эту тему относились к первой половине июля, и разумеется, что есаул не мог не слышать об адмирале Колчаке, тем более что проживал Семенов у лейтенанта флота В. В. Ульриха⁵⁵ (корпоративный дух морского офицерства вообще становился, должно быть, немаловажным фактором в распространении популярности Колчака: так, присутствие в «организации Клерже» капитана 2-го ранга Фомина⁵⁶ представляется дополнительным подтверждением правдоподобия воспоминаний самого Клерже).

Подчеркнем, что и сама принадлежность Семенова к «организации» (или «военному центру») генерала Крымова остается лишь предположительной, указаний же, что личность Колчака привлекала внимание Крымова, — нет никаких (а Семенов на роль будущего диктатора прочил генерала Брусилова, считая лишь, что того не следует посвящать в планы переворота до их реализации, поставив в конце концов перед свершившимся фактом); однако представляется интересным совпадение взглядов и даже намерений двух выдающихся представителей Российской Армии и Флота — прямого «заговорщика» Крымова (Деникин: «Его непоколебимым убеждением было полное отрицание возможности достигнуть благоприятных результатов путем сговора с Керенским и его единомышленниками. В их искренность и в возможность их “обращения” он совершенно не верил...»; «...хотел разить, утратив веру в целебность напрасных словопрений и исходя из взгляда, что страна подходит к роковому пределу и что поэтому приемлемо всякое, самое рискованное средство...»⁵⁷) и потенциального «заговорщика» Колчака, не менее разочаро-

ванного во Временном Правительстве и уже склоняющегося к конспиративной и даже нелегальной работе против революции в целом, не разделяя, кажется, ее «советскую» и «правительственную» составляющие. И не менее интересно первое, пусть пока заочное, знакомство есаула Семенова с адмиралом (сомневаться в чем вряд ли приходится) — знакомство, которому вскоре предстоит продолжиться на восточной окраине бывшей Империи...

И в любом случае бесспорно одно: создававшаяся вокруг Колчака атмосфера, независимо от наличия у него реальных союзников и сотрудников или готовности к решительным действиям, делала его крайне опасным в глазах Министра-Председателя Керенского, который уже утрачивал, похоже, способность к рациональному мышлению и ставил перед собою задачу, главным образом, сохранения в своих собственных руках той призрачной власти, которой еще обладало Временное Правительство. А потому бессмысленна ложная многозначительность намеков, подчас звучащих в рассказе об отъезде Колчака в Америку: «Временное Правительство отправляет его с некой до сих пор не вполне ясной миссией в США (официально речь шла всего-навсего об “обмене опытом” в минном деле, но по меньшей мере странно, что подобная роль предоставляется одному из ведущих адмиралов...)»⁵⁸. На самом деле Керенский уже был готов к проведению самоубийственной политики, достигшей апогея в августовской провокации против генерала Корнилова и предопределившей бесславный конец Временного Правительства и жалкий финал судьбы его Министра-Председателя. Впрочем, все это еще впереди — пока же адмирал, находясь за границей, пронизательно сформулирует сущность своей «миссии»: «...Мое пребывание в Америке есть форма политической ссылки, и вряд ли мое появление в России будет приятно некоторым лицам из состава настоящего правительства...»⁵⁹

Итак, Александр Васильевич Колчак на долгие месяцы был оторван от России. Но никак невозможно сказать, чтобы он был Россией забыт, и в этом тоже — тайна того исключительного воздействия на умы и сердца, которое становилось неотъемлемой частью образа адмирала. Всего лишь «один из» командующих флотами, не слыш-

ком удачливый в своих первых попытках обуздать стихию, «политический деятель», не успевший выйти на политическую сцену... — в смутное время, когда имена вспыхивают и угасают мгновенно, погружаясь во мглу забвения, Колчак неизменно живет в «общественном сознании» в качестве угрозы или надежды.

В общем, нетрудно понять, почему именно его образ витает над революционирующимся (и попросту дичающим) Черноморским Флотом как призрак возмездия: «Слыхал? К Дарданеллам, к Дарданеллам Колчак подошел, стоит во главе... Во главе стоит всех держав! Думаешь, когда сюда дойдет, простит всех, это хулиганство?» («И все было зыбко и непрочное. [...] ...Через Дарданеллы, при участии непоколебимого до сих пор Колчака, пробивались к Севастополю с неслыханной кровью английские дредноуты...»)⁶⁰. Менее объяснимо, почему на Дону, отнюдь не бедном громкими именами военачальников (Корнилов, Алексеев, Каледин, Деникин...), те, кто надеялся и ждал возрождения державы, тоже продолжали помнить Колчака, рождая слух за слухом:

«— Союзники прошли через Дарданеллы. Союзную эскадру ведет адмирал Колчак.

В предчувствии красных ужасов, накануне падения Ростова и Новочеркасска так хотелось увидеть русскую жизнь под вымпелом Колчака.

Но слухи оказались слухами.

В мае [1918 года] пришел другой слух:

— Колчак в Северном море. Над Архангельском рядом с английским флагом реет русский Андреевский флаг (действительно, в журнале, датированном 28 июля 1918 года, передавался слух о поездке «на Мурман» Б. В. Савинкова, якобы делающего при этом «ставку на Колчака»⁶¹. — А. К.).

— Будет на севере жизнь под вымпелом Колчака.

Но и в Архангельске не оказалось Колчака.

Теперь (поздней осенью 1918 года. — А. К.) адмирал Колчак, по слухам, сразу в двух местах:

— Диктатор в Омске.

— Русский адмирал на английском дредноуте в Константинополе.

Но где он точно — никто сказать не может»⁶²...

И уж совсем причудливо выглядит матрос-большевик из стихотворения Максимилиана Волошина, — убийца и погромщик, который, несмотря на всю свою революционность,

...угрюмо цедит земляку:
«Возьмем Париж... весь мир... а после
Передадимся Колчаку»⁶³.

И пусть даже этот парадокс не подсмотрен, а сочинен поэтом, стремящимся подчеркнуть бессмыслицу, хаос, сумятицу, душевную и духовную разруху, которые владели теми, кто в безумном ослеплении рушил все, построенное веками (хотя Волошин и утверждал, что «зарисованная» им «личина» была «наблюдена» в действительности в начале 1918 года), — всплывшее среди этого бреда имя Колчака отнюдь не случайно. Громадный потенциал, заключенный в личности адмирала, превращал это имя в легенду, которая бродила по раздираемой междоусобицами Русской Земле.

Россия ждала адмирала Колчака — и адмирал Колчак не мог вновь не появиться в России.

* * *

«Заграничная командировка», а фактически — изгнание, естественно, тяготило его. Как представляется, дело было даже не в вынужденной оторванности от родины, — моряку не в новинку были дальние походы, — а в том, что таланты, порыв, желание работать, не останавливаясь и перед риском, оказались не востребованными и более того — отвергнутыми; и не случайно на фотографии, запечатлевшей Александра Васильевича среди сослуживцев, составивших вместе с ним «Русскую морскую комиссию в Американском Флоте», адмирал, как будто утонувший в глубоком сиденье дивана, в видоизмененной после революции форме без погон, напоминает нахохлившуюся большую птицу. В течение этих месяцев он мучает себя размышлениями о нынешнем положении своем и России, пишет длинные письма А. В. Тимиревой, и вырванные из них цитаты подчас становятся поводом к ложным интерпретациям душевного состояния Колчака.

То и дело его рисуют «киплингианскими» красками, в духе знаменитого «but there is neither East nor West, Border, nor Breed, nor Birth, when two strong men stand face to face, though they come from the ends of the earth»*, когда родина и происхождение выглядят величинами пренебрежимыми в сравнении с «вневременными» и «вненациональными» силой и мужеством, — и адмирал, кажется, до некоторой степени дает для этого основания. В самом деле, едва ли не здесь причина его разочарования в Америке и американцах и рождающегося презрения к ним: «...Америка ведет войну только с чисто своей национальной психологической точки зрения — *рекламы, advertising* (курсив А. В. Колчака. — А. К.)... Американская war for democracy** — Вы не можете представить себе, что за абсурд и глупость лежит в этом определении цели и смысла войны. Война и демократия — мы видим, что это за комбинация, на своей родине, на самих себе». «Но разве не прекрасна война, — пишет он любимой женщине, — если она дает такую радость, как поклонение Вам, как мечту о Вас, может быть, даже и несбыточную... Вот о чем я думал, говоря сегодня в обществе военных людей свою апологию войне, высказывая веру в нее, с чувством глубокой благодарности ей, что она в лице Вашем дала мне награду за всю тяжесть, за все страдания, за все горести, с ней связанные...»; и даже — «война прекрасна, хотя она связана со многими отрицательными явлениями, но она везде и всегда хороша. Не знаю, как отнесется Она к моему единственному и основному желанию служить Ей всеми силами, знаниями, всем сердцем и всем своим помышлением»⁶⁴; и казалось бы, во всей этой мрачноватой романтике силы и крови и вправду много от киплинговских героев; но вот...

Но вот встречаются «два сильных человека», действительно пришедшие «с разных концов земли» — петербуржец Колчак и японский майор Я. Хизахиде (встреча произошла в Июкогаме, когда адмирал попытался вернуться в Россию из Америки, но задержался в связи с

* Нет ни Востока, ни Запада, ни границ, ни происхождения, ни родины, когда двое сильных встают лицом к лицу, хотя бы они и пришли с разных концов земли (англ.).

** Война за демократию (англ.).

известиями о большевицком перевороте), — и почему же Александр Васильевич с такой настороженностью слушает своего собеседника?

«Hisahide является фанатиком панмонгольского милитаризма, — записывает он вскоре после беседы, — ставящего конечной целью ни более ни менее, выражаясь деликатней, экстерилизацию индоарийской расы, которая отжила свою мировую миссию и осуждена на исчезновение. Никто из японцев не говорит об этом, более того, на прямой вопрос вы всегда получите ответ, что никакого панмонголизма не существует, что это фантазии небольшой группы шовинистов, — но я утверждаю, что масса военных людей (а в Японии этот класс, помимо явно выраженного в военнослужащих, является самым многочисленным и политически сильным) если видит сны, то только на тему о панмонгольском мировом господстве...»⁶⁵ И, не отрицая в адмирале уважения к сильному противнику, подчеркнем все же, что ключевым словом здесь остается именно «противник», но не личный (по Киплингу), а противник его *родины*, которая так жестоко отвергла Колчака и о которой он не перестает, очевидно, мучительно размышлять, лишь раз позволив размышлениям прорваться на бумагу буквально криком:

«Я получил здесь семь Ваших писем, полных очарования Вашей милой ласки, внимания, памяти обо мне, всего того, что для меня составляет самую большую радость и счастье, но я чувствую, что я недостоин этого, я не могу, не имею права испытывать этого счастья. Я, может быть, выражаю (в черновике письма ошибочно — «выражаюсь». — А. К.) недостаточно ясно свою основную мысль; мысль о том, что на меня же ложится все то, что происходит сейчас в России, хотя бы даже одно то, что делается в нашем флоте, — *ведь я адмирал этого флота, я русский* (курсив наш. — А. К.)... И с таким сознанием я не могу думать об Анне Васильевне так, как я *мог бы думать* (подчеркнуто А. В. Колчаком. — А. К.) при других, совершенно неосуществимых теперь условиях и обстановке»⁶⁶.

Россия остается живою болью адмирала Колчака, несмотря на любые его слова о «кондотьерстве» и поклонении «божеству войны». И именно поэтому большевиц-

кий переворот и начало новой властью мирных переговоров с немцами становятся для него очередным ударом, возвещающая торжество хама («Центрохам» — презрительная кличка, данная Совнаркому немедленно после его «воцарения»⁶⁷) и труса. «Без дисциплины человек прежде всего трус и неспособен к войне — вот в чем сущность нашей проигранной войны, — рассуждает Колчак по видимости спокойно, но сколько горечи в этом спокойствии! — Надо открыто признать, что мы войну проиграли благодаря стихийной трусости чисто животного свойства, охватившей массы, которые с первого дня революции освободились от дисциплины и провозгласили трусость истинно революционной добродетелью. Будем называть вещи своими именами, как это ни тяжело для нашего отечества: ведь в основе гуманности, пасифизма, братства рас лежит простейшая животная трусость, страх боли, страдания и смерти. [...] “Товарищ” — это синоним труса прежде всего, и армия, обратившись в товарищей, разбежалась или демократически “демобилизовалась”, не желая воевать с крестьянами и рабочими, как сказал Троцкий и Крыленко» (в другом письме он бичует «политиканствующих хулиганов и хулиганствующих политиков, которые так ненавидят войну и все, что с ней связано в виде чести, долга, совести, потому что прежде всего и в основании всего они трусы»)⁶⁸. И что остается делать сильному человеку, для которого все это — честь, долг, совесть — не пустые слова?

«Известия о мире с Германией были для меня тяжким ударом; я видел, что этим наносится тяжкий удар независимости России. Я решил этого мира и заключившего его правительства не признавать», — расскажет Александр Васильевич за несколько дней до смерти⁶⁹. Он обращается к дипломатическим представителям Великобритании («т. к. считаю, что Великобритания никогда не сложит оружия перед Германией»), предлагая свою шпагу английскому Королю, «т. к. его задача, победа над Германией, — единственный путь к благу не только Его страны, но и моей Родины»⁷⁰. В этом вовсе не видно «кондотьерства», но Колчак, очевидно, продолжает растравлять свою душевную рану нарочитым подчеркиванием: «...Я откровенно сказал, что я лично не желал бы служить в английском

флоте, ибо Великобритания располагает достаточным числом блестящих адмиралов и офицеров и по характеру морской войны надобности в помощи извне не имеется (а ведь он отлично знает цену себе и своим военно-морским дарованиям! — А. К.). Но мне бы доставило чисто нравственное удовлетворение служить там, где обстановка тяжела и где нужна помощь, где я не был бы лишним. Пусть Правительство Короля смотрит на меня не как на вице-адмирала, а [как на] солдата, которого пошлет туда, куда сочтет наиболее полезным»⁷¹. Вскоре было решено, что новым местом службы станет Месопотамия, но в ожидании парохода адмирал застрял в Шанхае, куда к нему неожиданно явился посланец из России.

Поручик Жевченко был командирован уже известным нам по Петрограду есаулом Семеновым. Выступив против большевиков немедленно после их переворота, есаул буквально с кучкой соратников разоружал революционизированные запасные и ополченские части и разгонял совдепы, скликая добровольцев. Предпринимая шаги по привлечению к своему предприятию российских представителей за границей (в чьем распоряжении были определенные денежные суммы) и дипломатов союзных держав, Семенов отправил в Шанхай эмиссара с приказанием не только хлопотать о помощи деньгами и оружием, но и «встретиться там с адмиралом Колчаком и просить его прибыть в Маньчжурию для возглавления начатого мною (Семеновым. — А. К.) движения против большевиков»⁷². Миссия, однако, не увенчалась успехом: «Я ответил, что поехать не могу, так как связан обязательствами перед английским правительством, но к выступлению Семенова отношусь сочувственно, все, что я сделал в данном случае, это говорил с нашими агентами о содействии офицеру Семенова — Жевченко в снабжении Семенова оружием», — рассказывает адмирал⁷³; «...Жевченко по его поручению донес мне, что адмирал считает, что обстановка данного момента еще, по его мнению, не требует спешности в его активном выступлении, но он будет готов служить делу родины, как только она позовет его», — дополняет есаул (к моменту написания своих мемуаров ставший уже генералом)⁷⁴.

Допустимо предположить, что «обязательства» действительно не были главной причиной отказа. Как представляется, адмирал Колчак, с ненавистью относясь к захватчикам власти, с резкою антипатией — к использовавшей их Германии и безусловно разделяя стремления к восстановлению Российской государственности и возвращению Империи на ее традиционный исторический путь, в то же время считал далеко не все способы ведущими к этой цели. Патриот-государственник, он был крайним «государственником» и в методах, и если — тоже безусловному государственнику — Семенову казались допустимыми самые авантюрные действия (ибо чем же, если не авантюрой, была его самоотверженная борьба на маньчжурской границе!), то Колчак, очевидно, полагал возможным начинать дело лишь на достаточно «солидной» основе: недаром же он, выразив сочувствие семеновским партизанам и ходатайствуя «удовлетворить теперь же заказ пулеметов и ручных гранат», о дальнейшей поддержке рассуждает не без оговорок: «высказался за желательность скорейшего обеспечения Семенова оружием, но полагает, что размеры заказа должны быть в соответствии с действительными силами отряда»⁷⁵. В сущности, Колчак оставался таким же максималистом, как в межвоенные годы, когда стремился возрождать разоренный Цусимую флот немедленно и в полном объеме (что для России было чрезвычайно трудно). Как бы то ни было, нежелание адмирала возглавить семеновское предприятие оказалось плохим фундаментом для строительства взаимоотношений с Атаманом через полтора месяца, когда Александр Васильевич все-таки прибыл в Харбин — центр и основную базу всех открытых выступлений против Советской власти в Забайкалье и Приморье.

«Английское правительство [...] нашло, что меня необходимо использовать в Сибири в видах Союзников и России...» — писал он об этом⁷⁶; вскоре последовали консультации в Пекине с российским посланником, князем Н. В. Кудашевым, убеждавшим адмирала «принять на себя командование военными силами, которые формируются в полосе отчуждения Восточно-Китайской [железной] дороги, и, кроме того, принять на себя распределение

сумм, поступающих от союзников»⁷⁷. Все это звучало гораздо серьезнее, опереться предполагалось на Правление КВЖД, располагавшее определенными ресурсами, планы формирования казались достаточно масштабными — и Колчак согласился.

Нет, впрочем, никаких оснований подозревать в нем всего лишь послушного исполнителя английских приказов: яростно ненавидя большевиков и их помощников по разрушению России (даже смерть от их рук он уподоблял перспективе «быть заживо съеденным домашними свиньями»⁷⁸), Колчак видел единственный путь к освобождению страны — через активную борьбу. «...Будем верить, что в новой войне Россия возродится. “Революционная демократия” захлебнется в собственной грязи, или ее утопят в ее же крови. Другой будущности у нее нет. Нет возрождения нации помимо войны, и оно мыслимо только через войну», — пишет он⁷⁹, и здесь вполне правдоподобным кажется предположение, что адмирал имеет в виду не «просто войну», «внешний» катаклизм, «судеб удары», когда «тяжкий млат, дробя стекло, кует булат», — но и сознательные, целенаправленные поступки тех сильных и любящих свое Отечество, для кого этот «млат» окажется по руке.

Похоже, что Александр Васильевич по-прежнему признает лишь крупные формы борьбы. Строятся перспективы разворачивания 17-тысячного или даже 20-тысячного корпуса «охранных войск КВЖД», «причем 15 000 должны были составлять действующую часть, а 5 000 быть на охране дороги»⁸⁰... но судьба как будто задалась целью отомстить Колчаку за все удачи, столь долго отмечавшие его жизненный путь. Теперь выяснилось, что силы, с которыми он собирался сотрудничать, к реальной работе неспособны (Управляющий КВЖД генерал Д. Л. Хорват вообще представляет собою загадочную фигуру — не то безвольной расслабленности, не то закулисного интригана), а те, кто своей настроенностью на борьбу, казалось, отвечали надеждам адмирала, — сами не желали с ним сотрудничать.

Семенов (хотя в своих мемуарах он и умалчивает об этом) должен был почувствовать себя оскорбленным: почему

же для Колчака за «призыв родины» сошли увещевания Кудашева или каких-то неизвестных англичан, а не его, Семенова, первого начавшего здесь борьбу против Советов?! Заработав к тому времени достаточный авторитет, находясь во главе единственного, по сути, активно оперировавшего антибольшевицкого отряда, самостоятельно наладив отношения с представителями союзников и признавая Хорвата «постольку-поскольку» это было выгодно в настоящий момент, — Атаман фактически не пожелал не то что подчиняться, но и просто вести с адмиралом какие-либо переговоры о распределении средств. Вся история Гражданской войны показывает, что правильной была именно семеновская тактика непрерывных отчаянных атак на неприятельскую территорию, планы же Колчака, предполагавшие длительный период подготовки, мобилизаций и формирований, вряд ли могли увенчаться успехом; но отношения напряженного противостояния, немедленно сложившиеся между двумя военачальниками, мешали (с обеих сторон) трезвой оценке обстановки, а особое покровительство Семенову со стороны японской миссии (которой тот якобы давал какие-то туманные обещания насчет будущих концессий и торговых льгот) еще более усиливало предубеждение Александра Васильевича против Атамана.

Адмирал еще пытался разделить операционные направления, оставив Семенову Забайкалье и предполагая наступать со своими будущими войсками в пределы Амурской Области или Приморья, но когда за его спиной Атаман, как сообщали друг другу американские дипломаты, «пришел к согласию с Хорватом относительно [...] политики и финансовой помощи с отстранением Колчака»⁸¹, — все окончательно развалилось. После открытых конфликтов с Семеновым, семеновцами и начальником Разведывательного управления японского Генерального Штаба генералом М. Накашимой (лично прибывшим в Маньчжурию для контроля за обстановкой), Александр Васильевич выехал в Японию для переговоров с влиятельным генералом Г. Танакой (заместителем начальника Генерального Штаба), которые, впрочем, тоже закончились ничем...

Этот год — с лета 1917-го по лето 1918-го — вообще стал для адмирала Колчака, должно быть, одним из тяжелейших. Несбыточные мечты, рухнувшие надежды, безрезультатные усилия для такого эмоционального и впечатлительного человека, каким представляется нам Александр Васильевич, должны были оказаться поистине невыносимым грузом, страдания от которого еще усугублялись жестким, даже жестоким отношением адмирала к самому себе. И то, что он надломился, но не сломался, то, что страдание, сквозящее в его глазах и охватывавшее его душу, не лишило его воли и стремления к действиям, говорит прежде всего о силе и мужестве этого человека. И после всего пережитого и перечувствованного удивительна не развившаяся вспльчивость, которая порой заставляла его срываться на крик или ломать карандаши, подвернувшиеся под руку, — удивительна та самоотверженная готовность, с какой он вновь примет на себя тяжелый крест.

Ибо главные страдания были еще впереди.

* * *

«Я решил пробраться на Юг России, к Алексееву, который сохранил для меня значение главнокомандующего, из подчинения которого я никаким актом не вышел. [...] Считал я Алексеева лицом, которому я подчинен потому, что по моим сведениям он был на Юге главнокомандующим», — рассказывает Колчак⁸², и у нас нет оснований не верить его словам, несмотря даже на явную ошибку памяти: М. В. Алексеев уже не был Верховным Главнокомандующим в момент отъезда адмирала как с Черного моря, так и вообще из России. Возможна, правда, и иная интерпретация, — «перелистывая» позорное «главнокомандование» Керенского и оппортунистический период Брусилова, Александр Васильевич проводил прямую линию преемственности Добровольческой Армии от Армии бывшей Империи того периода, когда она не дошла еще до полного разложения (при этом, правда, трудно объяснить апелляцию к отсутствию формального «акта о выходе из подчинения»). Похоже, что, потерпев

неудачи на политической и «военно-сухопутной» стезе, адмирал стремился на привычную и родную для него морскую: Великая война явственно близилась к концу, с поражением Германии и Турции на освобожденном Черном море становилось возможным возрождение русского флота, и выдающийся моряк был бы там как нельзя более к месту.

Теперь Колчак решительно отвергает предложенную Хорватом «должность командующего всеми морскими и речными силами при его правительстве»⁸³, как ранее он проигнорировал намерения пригласить его на пост Управляющего Морским Министерством «Временного Правительства Автономной Сибири»⁸⁴ (частной организации социалистического толка, которую Александр Васильевич справедливо считал опереточной). Для адмирала по-прежнему остается существенной «серьезность предприятия», и с этой точки зрения он, очевидно, уже махнул рукою на Приморье, где к тому же чрезмерно большую роль начинали играть союзные воинские контингенты и дипломатические миссии. «Серьезной» казалась Добровольческая Армия (хотя на ранних этапах своего бытия она строилась примерно на тех же организационных основаниях, что и отряд Атамана Семенова), и Колчак стремился на Юг... по дороге, в Омске, однако, подвергнувшись форменной атаке со стороны представителей еще одной власти, претендующей на «серьезность».

Сконструированное на Государственном Совещании в Уфе «Временное Всероссийское Правительство» («Уфимская Директория») испытывало недостаток в громких именах и крупных фигурах, и входивший в его состав в качестве Верховного Главнокомандующего генерал В. Г. Болдырев немедленно обратился к Колчаку с просьбой задержаться в Омске, а затем — и принять Военное и Морское Министерства. Адмирал дает согласие лишь «условное» — с оставлением за собою права выйти из состава кабинета, «если по ознакомлении со своим фактическим положением на посту военного и морского министра я найду для себя невозможным оставаться»⁸⁵, а 30 октября пишет Болдыреву письмо «в собственные руки», в котором излагает свои взгляды на будущую деятельность и факти-

чески рисует ее программу (ввиду важности документа приведем его целиком):

«Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь Василий Георгиевич.

Ознакомившись в течение последней недели с положением вопроса об организации Военного Министерства, считаю необходимым доложить Вам свои основные взгляды на ту работу, которую должно будет принять на себя лицо, назначаемое на место Военного Министра.

Образование Правительственного Центрального Органа находится в строгом соответствии с теми задачами Государственного Управления, которые на этот орган возлагаются. Военное Министерство по своей организации и численности личного состава должно отвечать действительной необходимой работе по формированию и обслуживанию определенной армии, которую возможно фактически сформировать и обслуживать. С этой точки зрения создание Военного Министерства на основании существовавших законов и принципов, отвечающих прежнему великодержавному положению России, в настоящей обстановке следует признать приемлемым с большими ограничениями. Задачи в отношении могущей быть созданной в существующих условиях армии являются не только ограниченными, но и условия эти следует признать совершенно отличными от тех, при которых функционировало Военное Министерство. Тяжкое финансовое положение Государства и неизбежное участие в вопросах создания (в документе ошибочно — «в вопросах в создании»). — А. К.) новой армии союзников вызывают с своей стороны требование величайшей осмотрительности в деле организации нового Правительственного Органа. Военное Министерство должно быть организовано на принципе крайней экономии средств и личного состава.

Не нарушая основных организационных положений, Военное Министерство должно быть создаваемо путем постепенного развития и расширения его органов в строгом соответствии с потребной работой, но не в виде вполне сконструированного до деталей, на основании прежних законоположений, аппарата, хотя бы частью и сокращенного. Это особенно должно быть применимо в отно-

шении технических и хозяйственных органов в силу совершенно особых условий.

Положение фабрично-заводской промышленности и, в большинстве случаев, полное отсутствие ее с точки зрения военной, вызывают необходимость рассчитывать в многих отраслях снабжения только на помощь со стороны союзников.

Поэтому организация технических управлений должна в настоящее время отвечать этому положению, отнюдь не задаваясь целями обширной работы по проектированию, разработке технических заданий и т. п. Разделение органов по специальным отраслям должно быть возможно ограничено, не стремясь к излишнему детализированию.

В отношении личного состава первое время придется не руководствоваться штатными положениями о чинах, допуская широкий выбор начальникам[и] своих подчиненных.

Необходимо сократить должности с недостаточно определенными функциями в виде помощников, для поручений и т. п.

Надо принять все меры, чтобы вновь создаваемое Военное Министерство не явилось бы местом, где могли бы найти фиктивную службу лица, не способные к продуктивной работе, с одной стороны, и уклоняющиеся от строевой службы, с другой. Необходимо обеспечить Военное Министерство от участия в его работе лиц, может быть и полезных, но не необходимых.

Огромные штаты и большое число чинов, уже частью приступивших к работе, не дает, по моему мнению, гарантий в правильности организации дела Военного Министерства.

Переходя от общих положений к отдельным вопросам, считаю долгом доложить:

а) служба Главного Штаба, особенно в отношении управления личным составом, ведется самостоятельно и без достаточного согласования всеми штабами (Главкомандующего, армии, корпуса и округа). Поэтому проведен в жизнь целый ряд несогласованных между собой и с общими нормами мероприятий, неизбежно вызывающих препятствия и трения в планомерной и закономерной работе.

б) служба снабжения представляется еще более запутанной и сложной. Помимо тенденций к созданию громоздких органов технического снабжения в Военном Министерстве, существование Министерства Снабжения, Высшего Совета Снабжения вызывает весьма сложную обстановку, с крайне неопределенными и неясными разграничениями функций отдельных учреждений. Деятельность по снабжению со стороны корпусов, при общей тенденции к самостоятельности и бесконтрольному хозяйнич[ан]ию отдельных начальников, доходит уже до полного самоуправства и связанного с ним хаоса в деятельности Чешских начальников и так наз[ываемых] атаманов. Необходимо разграничение функций органов снабжения военного ведомства, ведающих заданиями, заказами, приемом и распределением, от функций Министерства Снабжений, ведающего исполнительную часть заказов.

Особая обстановка в виде иностранных вооруженных сил, действующих на русской территории, и неизбежность получения части снабжения со стороны союзников вызывает необходимость в создании особого органа при Военном Министерстве, ведающего этими вопросами, с участием в нем представителей союзников. Высший Совет Снабжения, по моему мнению, мог бы быть преобразован в такой орган, состоящий обязательно при Военном Министерстве.

В тесной связи с вопросами снабжения и функциями Главного Штаба будущего Военного Министерства стоят некоторые реформы, коренным образом влияющие на снабжение и мобилизационные положения армии. Я имею в виду переход от окружной системы к территориальной корпусной. Не имея возможности пока еще изучить этот важнейший вопрос во всем объеме, я считаю принципиально вредным и во всяком случае крайне рискованным проведение крупных реформ в тех отраслях, которые работали ранее удовлетворительно. Об этих реформах можно было бы говорить после создания хотя бы небольшой армии, но начинать ее создание на непроверенных началах и производить эксперименты в области и без того разрушенного хозяйства значило бы продолжать ту политику революционного периода, которая привела ар-

мию к гибели. Не могу не высказать своего мнения, что рассматриваемые реформы производят впечатление весьма необдуманного и легкомысленного решения, могущего иметь самые бедственные последствия, и я полагаю, что проведение ее (так в документе. Очевидно, имеется в виду «реформы». — А. К.) в жизнь необходимо немедленно остановить впредь до дальнейшего более серьезного рассмотрения.

Из важнейших вопросов, решение которых является крайне необходимым в ближайшие дни, я считаю долгом доложить Вашему Превосходительству о:

а) урегулировании и нормировке денежных и других видов содержания офицеров и солдат.

б) революционном и самоуправном производстве офицерских чинов.

в) о законах, изданных в период революции после первого марта 1917 года. Полагал бы полную отмену их с новым изданием тех положений, которые окажутся приемлемыми для новой армии; практически это, по-видимому, единственный выход.

г) об обеспечении офицерского строевого состава предметами обмундирования и жизненной необходимости, равно как помощь (так в документе. — А. К.) в этом отношении офицерским семьям, вынесшим в период революции всю тяжесть бесправного положения и преследования.

д) создание категорий офицерского резерва для укомплектования формируемых частей.

е) проведение принципа назначения на командные должности офицеров на основании цензовых данных их прохождения службы.

Совершенно практическим вопросом является невозможность найти в Омске подходящее помещение для предполагаемых центральных органов Военного и Морского Министерств. Представляется совершенно необходимым не только в силу местных условий, но и с точки зрения работы Министерства, перенос Штаба Сибирской армии в другой город, по возможности ближе к фронту.

По вопросам Морского Министерства я считаю долгом доложить, что создание такого органа должно быть

выполнено в минимальных размерах, но сохраняя основания прежней организации и возможность легкого развертывания этого органа по определенной схеме в будущем.

Ближайшей работой я считаю создание кадров для будущего флота в виде морской пехоты на общих основаниях армейских формирований, для чего необходимо предоставить часть новобранцев. Детали этого вопроса я доложу Вашему Превосходительству отдельно от настоящей записки.

В заключение позволю [себе] коснуться некоторых вопросов, имеющих отношение к внутренней политике, с которой я невольно принужден соприкасаться, и по которым я считаю долгом высказать свое мнение. Я признаю первой государственной потребностью настоящего времени создание дисциплинированной и боеспособной армии с подчинением этой основной задаче всей внутренней политики Совета Министров и вверенных им ведомств государственного управления.

С этой точки зрения я считаю работу лица, принявшего пост Военного Министра, тесно связанной с работой представителей других ведомств, особенно внутренних дел, финансов, снабжения, путей сообщения и иностранных дел.

Я убежден, что при условиях настоящего времени партийное представительство исключает возможность положительной государственной работы и что влияние политической партии и ее дисциплины неминуемо внесет в дело государственного строительства полное разложение. Поэтому я ни в каком случае не счел бы возможным работать при наличии в указанных ведомствах лиц, деятельность которых могла бы иметь цели выполнения какой-либо партийной программы.

Я докладывал Вашему Превосходительству о своем взгляде на вопросы организации государственной полиции. Я нахожу этот вопрос одним из важнейших по связи его с вопросами военного ведомства, так как основанием общественной безопасности и фундаментом, на котором строится организация полиции, является по существу армия.

Нахождение во главе ведомства или его части, ведающего (так в документе. Очевидно, имеется в виду «ведомства». — *А. К.*) охраной общественной безопасности, лица, принадлежащего к определенной партии и состоящего членом ее исполнительного комитета, я не считаю допустимым ни с какой точки зрения, даже обывательской. Возможность создания полицейской организации в виде орудия политической партии, организации по существу способной оказывать влияние даже на частную жизнь, исключает какую бы то ни было прикосновенность к этому делу тех лиц, в отношении которых могли бы явиться совершенно определенные подозрения. При императорском правительстве полицейская организация была привлечена к работе в политическом направлении, и отрицательные результаты такового положения слишком очевидны, и повторение опыта в этом же направлении недопустимо.

Прошу принять уверения в совершенном почтении и таковой же преданности.

Готовый к услугам *А. Колчак*»⁸⁶

Это письмо представляется нам чрезвычайно важным, поскольку в нем намечены основные проблемы, решать которые вскоре придется уже не Военному Министру Колчаку, а Верховному Правителю Колчаку, а также содержится указание, что пути, избираемые Александром Васильевичем, не были следствием каких-либо «влияний», в плену которых якобы находился «слабовольный адмирал», — и потому как прозрения, так и ошибки следует в первую очередь приписывать лично ему. Кратко останавливаясь же на важнейших мыслях письма, отметим прежде всего противоречие взглядов его автора на «военно-административное» (Министерство) и «военно-полевое» (Действующая Армия) строительство: если в первом случае постулируется подчиненность форм и темпов — решаемым задачам, фактическая зависимость работы Министерства от обстановки (несколько утрируя — «импровизация в организации»), — то во втором адмирал, по сути, склоняется к идее жесткого регламентирования «сверху» (хрестоматийная заповедь «организация не терпит импровизации») и ограничения инициативы войсковых на-

чальников, подозреваемых в «революционности», «самоуправстве» и «атаманстве» (а иногда и резкого сужения их прав и возможностей — как в предложении восстановить военные округа, которые в описываемый период были заменены подчиняющимися фронту «корпусными районами»; когда Колчак станет Верховным, его намерения будут проведены в жизнь⁸⁷): «создание Военного Министерства на основании существовавших законов и принципов, отвечающих прежнему великодержавному положению России», отнюдь не входит в число задач Колчака, но вот отказ от системы военных округов он относит к «крупным реформам в тех отраслях, которые работали ранее (в период «прежнего великодержавного положения»? — А. К.) удовлетворительно». И насколько точка зрения нового Министра на непосредственно подчиненный ему аппарат выглядит разумной и единственно плодотворной для «смутной» эпохи — настолько же его мнение о тыловом обеспечении пополнений и снабжения сражающихся войск таит в себе угрозу непредвиденных последствий, с которыми и предстоит столкнуться будущему Верховному Правителю.

Разумеется, человек такого масштаба и такого ума, как Колчак, не мог ограничиться исключительно узковоенными проблемами, — и, наряду с бытовыми трудностями, впрочем возрастающими до уровня символических (провинциальный Омск — немногим более 60 тысяч жителей незадолго до Великой войны — просто не мог вместить «правительственных органов», стремящихся измерять свои штаты «всероссийским» уровнем грядущей деятельности, и сам Александр Васильевич, даже став Верховным, некоторое время должен был ютиться «в маленькой проходной комнате, в частной квартире»⁸⁸), адмирал упоминает и главный дефект «Всероссийской Власти» уфимского образца — партийное влияние, угрожавшее всему делу борьбы с большевизмом.

Никогда в течение Гражданской войны правительства, социалистические по своему составу или подпадавшие под воздействие социалистов, не были способны к решительному сопротивлению узурпаторам власти, сколь бы искренними ни были возглавлявшие эти правитель-

ства люди. От Белого моря до Терека, от Волги до Великого Океана, несмотря на всю «демократичность» и «прогрессивность», стремления к «свободе» и «народовластии», несмотря на «народнические» идеалы, в угоду которым подчас поднимались гонения на такие «символы старого режима», как офицерские погоны (а иногда — и национальный бело-сине-красный флаг), — социалисты оказывались бессильными и лишь разрушали дело, которым брались руководить. И причина здесь не только в отсутствии у них государственных и военных знаний и опыта: внося в борьбу партийный дух, они неизбежно обрекали ее (и самих себя) на поражение, ибо сопротивление большевизму могло оказаться успешным лишь при духовном преодолении русским народом революционной разобщенности, восстановлении соборного единства, подорванного кровавыми потерями Великой войны и окончательно разрушенного вакханалией 1917 года, — то есть на путях, противоположных традициям партийной политики, всегда догматичной и своекорыстно предпочитающей интересы «своих» — всем прочим.

В сущности, к той же мысли как будто подходил, еще неосознанно, на ощупь, адмирал Колчак, когда отвергал предложения той или иной незначительной группы лиц. Если прибегать к историческим аналогиям, он хотел быть не Прокопием Ляпуновым, собравшим ополчение, но погибшим от рук своих же союзников, не сумевших преодолеть разобщенности и раздоров, а князем Пожарским, призванным к командованию «единицами усты» и возглавившим всенародный порыв — поход на освобождение полоненной Москвы. Сейчас казалось, что единодушие и единовластие было достигнуто, но усиливавшееся влияние руководства партии социалистов-революционеров и Съезда членов Учредительного Собрания (тоже вполне социалистического) угрожало этому единству, пытаясь превратить Директорию в партийную организацию.

Колчак вряд ли любил социалистов, но важнее любых ярлыков и программ для него были живые люди. В этом смысле очень показателен эпизод его знакомства весной 1917 года с Г. В. Плехановым, которого адмирал ошибочно считал социалистом-революционером и огорошил ут-

верждением, что социал-демократы «не любят отечества и, кроме того, среди них очень много жидов»: «[Я] сказал, что принадлежу именно к нелюбимым им социал-демократам и, несмотря на это, — не жид, а русский дворянин, и очень люблю свое отечество, — не без юмора вспоминал Плеханов. — Колчак нисколько не смутился. Посмотрел на меня с любопытством, пробормотал что-то вроде: ну, это не важно, и начал рассказывать живо, интересно и умно о Черноморском флоте...»⁸⁹ Любви к Отчеству было достаточно, — так же, как и для генерала Алексеева, о котором говорили, что он спрашивал приходивших к нему добровольцев не «какой ты партии?», а «любишь ли ты Россию?»: «На поле сражения, перед лицом смерти все равны, и революционер, и монархист, и все мне дороги и нужны»⁹⁰. Но поблизости от Директории группировались люди, которым дороже России была партия, и Колчак не мог не чувствовать от этого обеспокоенности.

Заметим, что вряд ли у него вызывала особую неприязнь и сама идея «пятиглавой» Директории, хотя, как военный человек, он естественно должен был считать наиболее приемлемым — единоначалие, а применительно к государственному устройству — диктатуру. О «настроении» Колчака «в пользу постепенного сокращения Директории до одного лица» записывал 27 октября в дневнике генерал Болдырев⁹¹, — но и диктатура как таковая могла толковаться Александром Васильевичем достаточно широко и «либерально». «...Командующему военными силами должна принадлежать вся полнота власти на территории борьбы, но по мере продвижения в областях, очищаемых от большевизма, власть должна переходить в руки земских организаций», — считал он еще летом⁹², и, хотя позднее разочаровался в земствах (заметим, вполне оправданно), общее направление его мыслей приведенная фраза характеризует, думается, достаточно хорошо.

Поэтому не стоит представлять адмирала сторонником военного переворота и диктатуры во что бы то ни стало: к данному вопросу он подходил скорее прагматически — облегчает или усложняет существующая власть главную задачу борьбы с большевиками. И если, с одной

стороны, фронтовые генералы, герои летних боев Р. Гайда или А. Н. Пепеляев во время поездки нового Военного Министра в действующую армию недвусмысленно высказывались в пользу единовластия и тем самым, наверное, оказывали влияние на Колчака, — то с другой, заваривавшаяся в Омске каша каких-то интриг и причастность к ним командования Сибирской Армии вызывали у Александра Васильевича, похоже, не меньшие подозрения, чем деятельность социалистов-революционеров: не зря он в телеграммах с фронта настойчиво ходатайствовал об отстранении от должностей номинального Командующего Армией генерала П. П. Иванова-Ринова и его начальника штаба генерала П. А. Белова (последнего — даже путем ареста), «чтобы разом порвать со всеми интригами, губительно отражающимися на фронте»⁹³. При этом заподозрить в интриганстве самого Колчака представляется немислимым, и вполне правдоподобно, что по возвращении с фронта, 16–17 ноября, он действительно был неожиданно для себя поставлен перед фактом существования достаточно широких офицерских кругов, выдвигавших его на роль носителя единоличной власти. А в ночь на 18-е произошли и события, резко изменившие всю структуру государственного управления на Востоке России.

По нашему мнению, сами эти события не соответствуют утвердившемуся за ними наименованию «переворот» в полном смысле слова. Недовольство омского офицерства, уверенного в поддержке правоцентристских политических сил и, быть может, торгово-промышленных кругов, вылилось в самочинные аресты двух из пяти членов Директории, причем в отношении оставшихся никто как будто и не стремился прибегать к таким мерам (аресту подверглись также заместитель одного из «директоров» — видный социалист-революционер — и начальник милиции, подозревавшийся в организации партийных вооруженных формирований). Произошедшим, однако, был спровоцирован кризис, давно уже назревавший в недрах «Всероссийской Верховной Власти»: практически ни один человек из ее состава или состава кабинета министров не выступил в поддержку шатавшегося режима, и после закрытой баллотировки растерянные ми-

нистры вручили власть вице-адмиралу Колчаку, произведенному в «полные» адмиралы и названному Верховным Правителем.

Этот титул (кстати, возникавший уже не впервые: «Временным Правителем» России пытался 9 июля 1918 года провозгласить себя генерал Хорват⁹⁴) в наши дни дал почву для далеко идущих рассуждений, имеющих целью «повысить» легитимность Колчака и его правительства и апеллирующих к... Основным Государственным Законом Российской Империи 1906 года, «в соответствии» с которыми якобы и состоялось назначение адмирала. Действительно, в Основных Законах имеется терминологическое совпадение (впрочем, не полное) в виде титула «Правителя», однако смысл соответствующего государственного поста и порядок его занятия, естественно, не имеют ничего общего с тем, что произошло в Омске 18 ноября 1918 года: достаточно просто обратиться к тексту соответствующих статей (42-я — 45-я) третьей главы Законов, трактующей «О совершеннолетию Государя Императора, о правительстве и опеке» и регламентирующей порядок управления страной в том случае, если лицо, которое унаследовало Императорскую власть, еще не достигло совершеннолетия.

«Правительство и опека (над несовершеннолетним Императором. — А. К.) учреждаются или в одном лице совокупно, или же раздельно, так что одному поручается правительство, а другому опека», — гласит закон. «Назначение Правителя и Опекуна, как в одном лице совокупно, так и в двух лицах раздельно, зависит от воли и усмотрения царствующего Императора, которому, для лучшей безопасности, следует учинить выбор сей на случай Его кончины»; «когда при жизни Императора такового назначения не последовало, то, по кончине Его, правительство государства и опека над лицом Императора в малолетстве принадлежат отцу или матери; вотчим-же и мачиха исключаются»; «когда нет отца и матери, то правительство и опека принадлежат ближнему к наследию престола из совершеннолетних обоого пола родственников малолетного Императора»⁹⁵. Во всем этом, как видно, нет ничего общего с генезисом власти Верховного Правителя России, и не стоит пытаться оказывать адмиралу Колчаку услугу искусственным «возве-

дением» его чуть ли не к подножию Царского трона, тем более что «конституция» установившегося в Омске режима допускала интерпретацию о разделении «полноты власти», наряду с Верховным, еще и Советом Министров⁹⁶, а это с точки зрения Основных Законов 1906 года представляло собою совсем уж очевидную ересь.

При рассмотрении данного вопроса немаловажны также субъективные намерения и побуждения тех, кто принимал решение об облечении адмирала властью Верховного Правителя; заподозрить же в монархизме (ибо следование букве Основных Законов явно обозначало бы реставраторские тенденции) омский кабинет и остатки распавшейся Директории — в подавляющем большинстве левых конституционных демократов, правых или «мартовских» (то есть определивших свою политическую позицию после Февральского переворота) социалистов и неустойчивых либералов — никак невозможно. С этой точки зрения проблема правопреемства власти представляет дополнительный интерес, поскольку наследие Директории, как и ее собственные правовые основания, выглядят более чем сомнительными.

Развитие «русской революции» в 1917 году до большевицкого переворота 25 октября проходило через следующие этапы: отречение Императора Николая II; отсрочка Великим Князем Михаилом Александровичем решения о принятии или непринятии власти до всенародного волеизъявления; государственный переворот, осуществленный 1 сентября 1917 года Керенским, — провозглашение России республикой, — причем последний акт отрицал оба предыдущих, будучи узурпацией не только существовавшей верховной власти, но и прав предстоявшего Учредительного Собрания, которое после этого (в условиях уже состоявшегося «предрешения» государственного строя) вряд ли может почитаться чем-то серьезным. «Конституция» Уфимской Директории, однако, подчеркивала верховенство «Учредилки» образца 5 января 1918 года, вменяя «в непрременную обязанность Временного Всероссийского Правительства» — «предоставление отчета в своей деятельности Учредительному Собранию, немедленно по объявлении Учредительным Собранием своих работ возобновлен-

ными, и безусловное подчинение Учредительному Собранию как единственной в стране верховной власти»⁹⁷. Очевидно, Директория официально наследовала беззаконию, и беззаконие это не было явным образом отвергнуто сменившим ее режимом.

«Положение о временном устройстве государственной власти в России» от 18 ноября 1918 года звучит довольно неопределенно: «Осуществление верховной государственной власти временно принадлежит Верховному Правителю»; «власть по управлению во всем ее объеме принадлежит Верховному Правителю»; «все проекты законов и указов рассматриваются в Совете министров и, по одобрении их, поступают на утверждение Верховного Правителя». Вопрос об отношении к Учредительному Собранию, прежнего ли состава или вновь избранному, не поднимается вообще, а смену власти или ее преемственность предполагается осуществлять через Совет Министров, который воспринимает «осуществление верховной государственной власти» «в случае тяжелой болезни или смерти Верховного Правителя, а также в случае отказа его от звания Верховного Правителя или долговременного его отсутствия»⁹⁸. До некоторой степени юридическим низложением Директории (и в этом смысле — действительно переворотом) можно было бы считать первое обращение Верховного Правителя к населению —

«18 ноября 1918 года Всероссийское Временное Правительство распалось.

Совет Министров принял всю полноту власти и передал ее мне — Адмиралу Русского Флота Александру Колчаку»⁹⁹, —

поскольку, согласно предыдущей «конституции», члены Директории были «до Учредительного Собрания не ответственны и не сменяемы»¹⁰⁰ и, значит, «смена» в каком-то смысле упраздняла и всю «конституцию»; но, с другой стороны, официальное же извещение гласило: «Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного Всероссийского Правительства, Совет министров с согласия наличных членов Временного Всероссийского Правительства (курсив наш. Как мы помним, это утверждение вполне соответствовало действительности. — А. К.) поста-

новил принять на себя полноту верховной государственной власти»¹⁰¹, — так что определенного ответа, как же все-таки новая власть относится к проблемам преемства, по существу дано не было. Не вполне проясняет ситуацию и заявление Верховного (в ноте союзным державам) о недопустимости восстановления Учредительного Собрания прежнего состава, «избрание в которое происходило под большевицким режимом насильно и большая часть членов коего находится ныне в рядах большевиков»¹⁰², поскольку допустимо толкование его как возврат к ситуации не 3 марта (Акт Великого Князя Михаила), а 1 сентября (переворот Керенского) 1917 года.

Таким образом, юридические основы и преемственность «режима 18 ноября» представляются нам не вполне определенными, однако не в ущерб преемственности духовной: адмирал Колчак очевидно восстанавливал идею национальной, патриотической власти, «русской Руси» (А. К. Толстой), идею борьбы с разрушителями Державы, отрицания как «гибельного пути партийности», так и механического возврата к прошлому, — в сущности, идею живой, органической, творческой преемственности в развитии Государства Российского. По сути дела, только этот путь и мог привести, через военную диктатуру, к восстановлению традиционной формы правления, и если никак нельзя считать Александра Васильевича «политиканствующим» монархистом (о его симпатиях и степени монархизма вообще судить сложно, хотя известно, что он придавал большое значение установлению судьбы Царской Семьи: «...всякий раз, посещая Уральский регион, Колчак неизменно посылал за [следователем] Соколовым и подробно обсуждал все новые сведения, особенно его интересовала судьба Великого Князя Михаила»¹⁰³, а один из уральских чекистов прямо утверждал, что расследование убийства Великого Князя контролировалось лично адмиралом во время его пребывания в Перми¹⁰⁴), то нет оснований и подозревать Верховного Правителя в намерениях препятствовать реставрации, если бы она произошла после падения большевизма.

Поэтому упомянутую выше юридическую неопределенность вряд ли следует ставить в вину адмиралу, пыта-

ясь «восполнить» ее искусственными параллелями с до-Февральской терминологией, которые выглядят не более исторически обоснованными, чем рассуждения М. Волошина, увидевшего в назначении Колчаком себе заместителя ни более ни менее чем... «усыновление» императором своего преемника по образцу позднего Рима: «Этот порядок престолонаследия применялся в Византии, он был теоретически намечен и у нас Петром Великим, так что он вполне может быть связан с традициями нашей государственной власти. И сейчас мы уже имеем ожидаемого единодержца в лице Колчака, явившегося, к нашему счастью, не по выборам, а нормально — явочным порядком, как вообще приходят исторические деятели и государственные люди, и он последним своим приказом о назначении генерала Деникина своим преемником и заместителем намечает именно тот порядок престолонаследия, о котором я говорил»¹⁰⁵.

К сожалению, Волошин не читал русского полевого устава и не знал, что назначение заместителя старшего начальника является не переменным элементом всякого оперативного приказа — будь то на бой, походное движение или отдых¹⁰⁶, а к моменту назначения Колчаком своего заместителя обстановка была вполне боевой: во многих сибирских городах, в том числе и в столичном Омске, прошли организованные большевиками кровопролитные восстания, так что жизнь Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего подвергалась реальной опасности. Немаловажно и еще одно обстоятельство: не отрицая определенного политического значения предпринятого Колчаком шага (официальное «создание Единой Армии Русской» и укрепление «Единого Верховного Командования»), следует все же подчеркнуть, что сам адмирал относил его к сфере не политической, а узко-военной.

«...По моему предложению, — писал он Донскому Атаману генералу А. П. Богаевскому 28 июня 1918 года, — Совет Министров постановил учредить должность Заместителя Верховного Главнокомандующего, и я своим указом назначил на эту должность Главнокомандующего вооруженными силами Юга России А. И. Деникина.

Таким образом устанавливается преемственность Верховного Командования Русской Армией, и с этой стороны я могу быть спокойным.

Более сложным представляется вопрос о преемственности власти Верховного Правителя, и я не решаю пока его, ввиду огромной политической сложности этого дела»¹⁰⁷.

Заметим, что и сам Александр Васильевич еще в дни ноябрьского кризиса «был смущен предложенным званием “Верховного Правителя”, ему казалось достаточным звание Верховного Главнокомандующего, с полномочиями в области охраны внутреннего порядка»¹⁰⁸ (впрочем, действовавшее с 1914 года «Положение о полевом управлении войск в военное время», содержание которого старшие армейские и флотские начальники должны были помнить достаточно хорошо, предоставляло Верховному Главнокомандующему довольно широкие прерогативы по управлению прифронтовыми областями — а таковыми в условиях Гражданской войны могла почитаться едва ли не вся Россия). Настроения адмирала Колчака как нельзя лучше были изложены им в письме жене: «Я прошу Тебя уяснить, как я сам понимаю свое положение и свои задачи. Они определяются старинным рыцарским девизом Богемского короля Иоанна, павшего в битве при Кресси — “Ich diene” *. Я служу Родине своей, Великой России, так, как я служил ей все время, командуя кораблем, [минной] дивизией или флотом»; «я не являюсь ни с какой стороны представителем (в публикации документа — «ни представителем...». — А. К.) наследственной или выборной власти. Я смотрю на свое звание как на должность чисто служебного характера. По существу, я Верховный Главнокомандующий, принявший на себя функции и Верховной Гражданской Власти, так как для успешной борьбы нельзя отделить последние от функций первого»¹⁰⁹. То же самое говорил адмирал и войскам:

«...По приходе дивизии командуящий армией мне доложил, что солдаты дивизии желают видеть того, за кого они сражаются. Это неправильно, за меня никто не сражается, я сам солдат и такой же слуга Родины, как

* Я служу (нем.).

каждый офицер и солдат, и ничем в этом отношении с вами не разнуюсь.

Мы все сражаемся за воссоздание Родины и боремся против захватчиков власти, которые под ложным именем рабоче-крестьянского правительства поработили наше отечество. Эти захватчики даже не русские люди, они наемники немцев, и кто они такие, вы отлично знаете»¹¹⁰.

Александр Васильевич Колчак всю жизнь стремился быть *солдатом России* — и Россия сделала его своим *первым солдатом*.

* * *

Этому ощущению Колчаком своей роли как находящегося на службе солдата отнюдь не противоречит, на наш взгляд, та решительность, с которой он принял на себя главнокомандование и высшую власть в государстве. «Генерал, я не мальчик, в Ваших поучениях не нуждаюсь, — телеграфировал адмирал тогда находившемуся на фронте Болдыреву, который был обеспокоен всем, что без него произошло в Омске. — Я взвесил все и знаю, что делаю»¹¹¹, — но в этих словах перед нами предстает не захватчик, не узурпатор власти, а человек (прибегая к морским аналогиям), увидевший, как разбушевавшиеся волны захлестывают корабль, и твердой рукою схвативший штурвал, от которого отступились остальные члены команды. Нет оснований подозревать в нем тайного диктатора, проложившего себе путь к власти руками казачьих офицеров (хотя один из членов кабинета и писал: «Если бы Совет [Министров] не принял постановления о диктатуре Колчака, — возможно, что он так же и теми же силами был бы низвергнут, как и Директория»¹¹², — это предположение, в сущности, не выходит за рамки личных опасений и подозрений мемуариста); но, будучи призванным на высший пост государственной иерархии, Александр Васильевич ведет себя уверенно и мужественно, как и подобает настоящему военачальнику.

Однако именно личное возглавление адмиралом вооруженных сил повлекло впоследствии большинство обвинений в его адрес. «...То, что в Омске он взялся не за

свое дело, — это (в ретроспективе!) видится как несомненный факт»¹¹³, — читаем мы сегодня, хотя серьезного анализа в большинстве случаев за подобными утверждениями не следует, а аргументация сводится, самое большее, к указаниям на непривычность военно-сухопутных действий для моряка и непригодность моряка для командования армиями. На самом деле, авторы этих упреков вряд ли понимают, насколько болезненную тему они затрагивают: ведь сущность главнокомандования как *индивидуального* творчества была для Александра Васильевича очевидна. «В основании учения об управлении вооруженной силой лежит идея творческой воли начальника — командующего, облеченного абсолютной властью как средством выражения этой воли», — писал он еще в 1912 году в очерке «Служба Генерального Штаба». «Искусство высшего, вернее, всякого командования есть искусство военного замысла, — это та творческая работа, которая в силу своей сущности может принадлежать только одному лицу, так как понятие о всякой идейной творческой деятельности не допускает возможности двойственности и вообще участия в ней второго лица»; «...собранные данные по обстановке оцениваются высшим командованием или единолично, или при помощи военного совета, ни в каком случае не принимающего на себя каких-либо функций в отношении военного замысла. Далее уже начинается область единоличного идейного творчества командующего, который, исходя из оценки обстановки и основной цели военных действий, должен создать военный замысел»; «творческая работа по созданию военного замысла является по существу единоличной и принадлежит всецело командующему безраздельно, всякое влияние на нее со стороны вторых лиц является недопустимым, никакой помощи или совместной деятельности в этой работе быть не должно», — вновь и вновь повторяет Колчак¹¹⁴, казалось бы, вынося тем самым приговор своей будущей работе в качестве Верховного Главнокомандующего.

Действительно, адмирал никогда не имел возможности глубоко изучить искусство сухопутной войны, не говоря уже о том, чтобы приобрести соответствующий опыт;

вряд ли представлял он до конца, насколько отличается сама психология командования на море, где корабли — основные элементы сражения — повинуются или выходят из строя как единое целое, и на суше, где полк или даже дивизия под воздействием «морального фактора» (слабость начальствующего состава, неоднородность или недостаточная подготовленность солдатской массы, слухи об угрозе окружения или неудаче на соседнем участке и проч.) может в одночасье прекратить свое существование как боевая сила, рассыпавшись и перейдя в «атомизированное» состояние; наконец, и значительная часть работы по военному строительству должна была оказаться для Колчака в новинку, поскольку управляющие органы Морского Ведомства в Российской Империи не занимались даже вопросами мобилизаций и воинского учета (Флоту выделялась часть новобранцев, призыв которых осуществлялся аппаратом Военного Ведомства). Так не слишком ли велик был риск решения, принятого адмиралом Колчаком?

Безусловно, риск был велик, и нам приходится предположить либо легкомыслие Александра Васильевича, не соразмерившего своих сил и умений с грандиозностью предстоящих задач (но — увлекающийся и импульсивный — он все же никогда не выглядит легкомысленным и в менее существенных вопросах), либо... глубочайший трагизм ситуации, когда человек, отдавая себе отчет в опасностях, ждущих на открывшемся пути, все же не может не избрать его, *поскольку других кандидатов нет, а Россию надо спасти.*

Имевшийся «в наличии» Верховный Главнокомандующий генерал Болдырев, как член Директории, вряд ли пользовался большим авторитетом у фронтовых начальников, с которыми адмирал виделся незадолго до 18 ноября и о чьей неприязни к «Временному Всероссийскому Правительству» вынес недвусмысленное впечатление¹¹⁵; когда же Болдыреву фактически выразили недоверие и его коллеги по кабинету, причем вопреки настояниям самого Колчака («Я высказался в том смысле, что при настоящих условиях необходимо сохранить то, что есть, т. е. что Верховным главнокомандующим должен остаться Болдырев и что ему и должна быть передана вся власть, относительно же себя я сказал, что я —

человек здесь новый, меня широкие массы армии, и в частности казаков, не знают»¹¹⁶), — Александру Васильевичу оставалось или умыть руки, прекрасно сознавая все изложенное выше, или — решаться на шаг, который в этом контексте мы уже определим как *подвиг*, — шаг, без сомнения стоивший ему, с его повышенной эмоциональностью, немалых сомнений и терзаний.

Но были ли мероприятия, предпринятые Колчаком в должности Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего, основные направления его политики, столь уж беспомощными и даже пагубными, как это обычно считают, основываясь на последовавшем через год крушении антибольшевицкого движения в Сибири? Прежде всего подчеркнем, что поставленная Верховным первой в ряду своих главных целей задача «создания боеспособной Армии, победы над большевизмом»¹¹⁷ безусловно и должна была превалировать над всеми остальными, так как никакие политические или экономические преобразования не могут в военное время сравниться по своей важности с результатами боевых действий, их успехами или неудачей. Поэтому нет никаких оснований относить к фатальным ошибкам адмирала Колчака отсрочку им окончательных решений по аграрному или иным подобным вопросам; более того, при обсуждении этого следует в первую очередь отрешиться от многолетнего гипноза советской историографии, согласно которой «Декрет о земле», лишивший крестьян надежды получить землю в собственность («Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней»¹¹⁸), почему-то считается «привлекшим симпатии крестьянства на сторону Советской власти», — а распоряжения Деникина и Колчака, оставлявшие землю и большую часть урожая в распоряжении *даже* незаконных захватчиков — до сих

пор подаются как «антикрестьянская» политика, «оттолкнувшая крестьян от Белого движения». И если даже резко враждебная земледельцу большевицкая подрозверстка, побуждавшая повсеместно братья за топоры, не стала определяющим фактором Гражданской войны в «аграрной России», — значит, и обещания Верховного Правительства разрешить земельный вопрос в послевоенном Национальном Собрании не могли иметь столь уж фатального характера.

Другим аспектом той же проблемы было желание, общее для всех Белых вождей, держать свои армии «вне политики». Так, уже 21 ноября 1918 года Верховный Главнокомандующий адмирал Колчак издает приказ, который следовало «прочитать во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах» (то есть донести буквально до каждого солдата и казака):

«Я требую, чтобы с начавшейся тяжелой боевой и созидательной работой на фронте и в тылу, — офицеры и солдаты изъяли бы из своей среды всякую политику и взаимную партийную борьбу, подрывающую устои Русского Государства и разлагающую нашу молодую Армию.

Все офицеры, все солдаты, все военнослужащие, — должны быть вне всякой политики; только тогда мы сумеем создать могущественную Армию и спасти РОССИЮ. Теперь у всех в мыслях, на устах, в сердцах и на деле должно быть только одно стремление — отдать все свои силы АРМИИ и РОДИНЕ.

Начальникам всех степеней принять решительные меры к точному проведению в жизнь моего требования.

Всякую попытку извне и изнутри (в документе — «и внутри». — А. К.) втянуть Армию в политику приказываю пресекать всеми имеющимися в руках Начальников и офицеров средствами»¹¹⁹.

Обычно из подобных призывов делают вывод «армии не знали, за что воевали», с противопоставлением широко развернутого пропагандистского аппарата у большевиков. Однако и здесь нам видится явное преувеличение: даже случаи крупных мятежей и предательств в войсках Верховного Правительства, разумеется, имевших негативные последствия, не надломили духа оставшихся в строю до тех

пор, пока генералитет и офицерство сохраняли дисциплину, пока продолжалось регулярное, организованное «сверху», сопротивление противнику, сколь бы недостаточной ни представлялась работа «Осведверха» или иных агитационных органов. И напротив, когда в зарождавшемся хаосе отступления войсковые командиры — от недавних героев Р. Гайды, Б. М. Зиневича, А. В. Ивакина, да и А. Н. Пепеляева, до безымянных поручиков и штабс-капитанов — начали попытки вмешаться в политику и сделать вооруженную силу, находившуюся в их распоряжении, фактором не только боевым, но и внутривластным, — произошла катастрофа. Армии Колчака были, без сомнения, потрясены фронтовыми неудачами, но поставили крест на борьбе многих тысяч, еще стоявших под ружьем, тыловые мятежи, которые взорвали «Белую Сибирь» изнутри, зачастую — под руководством офицеров, еще не снявших русские погоны (пожалуй, в этом смысле «политические» компоненты борьбы оказались на Востоке действительно более значимыми, чем, скажем, на Юге, где генерал Деникин сумел удержать свои войска и их начальников в повиновении). Что же касается строительства вооруженных сил и их боевого использования, то здесь в действиях Верховного и его ближайших сотрудников и вправду можно усмотреть ряд промахов, хотя и в их описаниях акценты зачастую смещаются, а виновные, подлинные и мнимые, оцениваются не всегда справедливо.

Главные упреки, пожалуй, относятся к выбору операционного направления — наступлению весной 1919 года не на Самару и Царицын, а на Глазов и Вятку, с перспективой прорваться к Архангельску, через который проще было бы получать помощь оружием и снаряжением от союзников-англичан; или вернее — к попытке одновременного наступления по двум направлениям при отсутствии необходимой координации действий. Следует, однако, заметить, что притягательность «северного» участка во многом подкреплялась в глазах командования *уже состоявшимся* соединением с войсками Северного («Архангельского») фронта. Еще в конце января — начале февраля передовые колчаковские подразделения появились на Печоре, 21 марта произошла встреча с «архан-

гельцами», а 26 апреля Командующий русскими войсками Северного фронта генерал В. В. Марушевский в ответ на приветственную телеграмму Гайды от 18 апреля — «Рады, что Сибирская армия имела возможность первой установить братское общение с доблестными отрядами Архангельских войск» — телеграфировал: «Прошу верить моему горячему желанию вести работу не только в связи, но и с прямым подчинением наших операций операциям сибиряков. [...] Для успеха операции крайне нуждаюсь в подробных сведениях о расположении, силах, действиях правого фланга сибирцев... Надеюсь в самом близком будущем видеть наших северных стрелков действительно плечом к плечу с сибирцами»¹²⁰. При согласованных наступлениях от Перми и Архангельска — на Вятку и Котлас соответственно не только облегчалось снабжение наступающих войск Гайды всем необходимым с Севера, но и создавался новый участок общего фронта, силы красных против которого были бы сравнительно невелики. Поэтому понять увлекающегося Гайду, пожалуй, легче, чем старого и опытного военачальника генерала М. В. Ханжина (возглавлявшего Западную Армию), который вряд ли более, чем Командующий Сибирской Армией, заботился о координации действий с соседями.

В связи с этим возникает закономерное подозрение об отсутствии на Востоке России достаточно властного лица или, на худой конец, управляющей инстанции, которые были бы в состоянии проводить единую стратегическую идею в масштабах всего фронта — от Каспия до Печоры и, соответственно, принуждать к повиновению чересчур самостоятельных полководцев. Очевидно, сам Колчак не справился с этой задачей или изначально слишком положился на свой штаб, возглавляемый полковником (затем — генералом) Д. А. Лебедевым, который на этом посту снискал репутацию «злого гения» — одного из тех, кто своими действиями «вырыли в Сибири могилу и для адмирала Колчака, и через него для всей России»¹²¹.

Этот выбор адмирала принято считать не только ошибочным, но и трудно объяснимым, сделанным на основании каких-то импульсивных побуждений или соображений, оставшихся неизвестными. Предположения до-

ходили до того, будто Лебедев «был выбран потому, что участвовал в перевороте 18 ноября и способствовал повышению Колчака». «Думать так, — комментирует, однако, даже резкий и небеспристрастный критик Верховного Правителя, — значит совершенно забывать о благородном рыцарском характере Колчака, который к тому же и не стремился к диктатуре, и был совершенно способен делать назначения из благодарности за личные услуги»¹²². В некотором смысле причастность Лебедева к ноябрьским событиям могла учитываться и говорить в его пользу, но, думается, лишь как свидетельство его государственнической позиции, более же значимой представляется изначальная связь будущего начальника штаба Верховного с Добровольческой Армией, в которой он состоял с первых дней ее существования (генерал Алексеев командировал полковника в Москву, затем — в Саратов, пути же, приведшие его за Урал, до сих пор так и не исследованы), — вряд ли случайно в приказе о его производстве в генералы подчеркивалось: «числящийся по Генеральному штабу, состоящий в рядах Добровольческой армии генерала Деникина»¹²³. Правда, полномочия Лебедева на координацию действий двух фронтов более чем сомнительны, а его служебный стаж не давал никаких оснований для столь стремительного взлета; но и обвинения, предъявляемые незадачливому начальнику штаба его недоброжелателями, в сущности не проясняют причин неудач, поскольку Лебедеву приписывают то, в чем он вряд ли был виноват, и игнорируют некоторые из его действительных взглядов и распоряжений.

«Вернее всего, что разгадку надо искать в импульсивности и стремительности характера адмирала, который и в сухопутном деле рвался на абордаж, — рассуждает один из критиков. — Наверно, Лебедев нравился ему, когда в беседах высказывался за крайнюю активность действий против большевиков, которых легко победить с наскока. Кроме того, он и другие “вундеркинды” [...] уверяли адмирала, что в революцию и стратегия, и тактика, и организация войск должны быть иными, чем в нормальной войне, и хорош лишь тот командующий армией, который сам с винтовкой в руках идет впереди солдат...»¹²⁴

На самом деле, как мы уже имели возможность убедиться за недолгий период службы Колчака на КВЖД, адмирал был сторонником отнюдь не «абордажных» авантюр, а, напротив, накопления сил и формирования их по регулярному принципу; принципы же, которыми руководствовался Лебедев, были подробно изложены в его докладе на имя Верховного, поданном 21 января 1919 года, и отнюдь не соответствуют приведенным выше обвинениям.

Основная идея доклада — «для решительного перехода к активным действиям сформировать к весне новые части, которые до полного окончания их формирования не расходовать, как бы обстановка на фронте ни складывалась». Подготовка этого будущего ударного кулака, силу которого автор доклада предполагает довести до 135 000 штыков и сабель, должна, по его мысли, проводиться на основе правильно организованного призыва военнообязанных, частично — с использованием кадра хорошо зарекомендовавших себя на фронте соединений и с массовой подготовкой и переподготовкой унтер-офицерского и даже младшего офицерского состава, — то есть принципы военного строительства по Лебедеву (и, очевидно, Колчаку) оказываются самыми что ни на есть регулярными и вовсе не похожи ни на какую авантюру или искание «иных, чем в нормальной войне», форм. Следует также подчеркнуть, что замысел начальника штаба Верховного Главнокомандующего, на наш взгляд, весьма напоминает попытки организации и использования войск, которые в конце лета — осенью 1919 года будет предпринимать, в период своего недолгого командования «армиями Восточного фронта», генерал М. К. Дитерихс, — и вряд ли случайно, что на роль «опытного лица», которому следовало бы поручить «общее наблюдение за успешностью формирования и правильной постановкой воспитания и обучения» новых дивизий, Лебедев предлагал именно Дитерихса¹²⁵; черновик же доклада рисует еще более широкие перспективы: «Крайне важно поставить во главе всех формирований сразу то лицо, которое впоследствии поведет их в бой, т. е. будущего командующего армией (армейской группой)»; «...**объединение** (всюду в цитате — выделения первоисточника. — А. К.) всех воп-

росов формирования, воспитания и обучения представляется крайне важным, и чем более авторитетное лицо будет выдвинуто на этот пост, тем больше гарантия в том, что и дальнейший подбор начальников от этого выиграет, и будущая армия действительно представит собою **постоянную регулярную** вполне дисциплинированную армию как образец для дальнейшего роста вооруженных сил и как опору существующей власти и порядка», с той же рекомендацией: «по моему глубокому убеждению, таким лицом мог бы быть Генер[ального] Штаба ген[ерал]-лейт[енант] Дитерихс»¹²⁶.

О близком сотрудничестве Лебедева и Дитерихса может свидетельствовать, по нашему мнению, и зашифрованная телеграмма последнему начальнику штаба Верховного, в которой он, обсуждая качества генерала Н. А. Галкина (возглавлявшего ранее поволжскую Народную Армию), заключает: «...Не могу составить себе положительного мнения о Генерале Галкине, которое позволяло бы мне высказать согласие на его назначение на театр военных действий»¹²⁷. А когда летом 1919 года генерал Гайда выступил против действий начальника штаба с протестом, антидисциплинарным по форме, но в целом справедливым по существу, — возглавлявший комиссию, которая проводила расследование инцидента, Дитерихс, несмотря на обоснованность протеста, не дал устранить Лебедева с его поста, сохранив тем самым довольно опасное и грозившее дальнейшими осложнениями status quo¹²⁸. (В качестве дополнительного, хотя и косвенного аргумента заметим, что Лебедев мог, в бытность сотрудником генерала Алексеева, слышать от него положительные отзывы о Дитерихсе, ранее служившем под началом старого генерала и пользовавшемся его уважением.)

Таким образом, если наше предположение справедливо и «за спиною» Лебедева стоял генерал Дитерихс (пусть и в качестве негласного, но авторитетного советника и консультанта), — это до некоторой степени снимает с адмирала Колчака обвинение в пристрастии к «вундеркиндам» и пренебрежении «настоящими» генералами «старой школы» (особенно колоритно тогда начинает выглядеть противопоставление Лебедеву... именно Дитерих-

са!¹²⁹), а все, что обычно считается недостающим в военном строительстве на Востоке, — в действительности оказывается едва ли не основным его содержанием, и, быть может, приходится предположить, что вред заключался не в недостатке, а в... переизбытке «регулярства».

Трудно подобрать теоретические возражения против логики Лебедева, Дитерихса и Колчака: свежие и хорошо подготовленные в тылу дивизии, будучи в нужный момент брошенными на чашу весов, казалось, и вправду должны были стать решающим фактором победы. Действительность, однако, далеко не всегда соответствует теоретическим схемам, а в годы смут и потрясений это несоответствие порой выглядит чуть ли не правилом. В частности, так произошло и с резервами, подготовленными в тылу. Они были многочисленны («...Мы были встречены с большим удивлением, когда они увидели стройные ряды 900 штыков-Сибирцев. Спрашивали — какая дивизия? и когда наши стрелки ответили, что это 1-й батальон 49-го Сибирского Стрелкового полка, они кричали: “Врешь, сибиряк, таких батальонов нет!”» — рассказывает командир батальона¹³⁰); неплохо — по меркам Гражданской войны — обмундированы и снаряжены («Появились любимые части вроде Каппелевского корпуса, отлично до последней нитки и с запасом снабженного», — брюзжал один из старших генералов¹³¹, жалобы же каппелевца, что корпусу «задерживали пополнение, не отпускали материальную часть, конный состав и прочее»¹³², скорее напоминают обычное недовольство строевика штабами и довольствующими органами); действительно, по возможности, сбережены в тылу как единое целое и как единое целое выведены на фронт для общего удара — но в целом не оправдали надежд на них как на силу, способную коренным образом переломить ситуацию.

Даже Каппель — легендарный и героический генерал Каппель, с горсткою добровольцев творивший чудеса весь 1918 год во время боев на Волге и последующего отступления, — оказался не сильнее этой скрытой тенденции Гражданской войны: оказавшись на передовой, части его 1-го Волжского корпуса начали нести потери (в том числе сдающимися в плен и перебегающими к противнику) и

терпеть неудачи, и потребовалось... пребывание войск в непрерывной боевой страде, чтобы Каппель, не выводя их из огня, сумел превратить тех же самых солдат (еще недавно — «сырые пополнения») в железных бойцов, прошедших Великий Сибирский поход. А поскольку вождей, подобных Каппелю, было значительно меньше, чем пополнений для фронта, — с остальными пополнениями ситуация нередко оказывалась еще более плачевной.

Суть этого парадокса, как можно предположить, заключается в следующем. Необходимую «шлифовку», спайку и сколачивание войска, очевидно, должны проходить не только в боевой обстановке, но и в тесном взаимодействии с фронтовиками, уже закаленными этим огнем и передающими новым формированиям дух, только и способный привести их к победе. Трудно говорить об универсальности данного вывода, но в эпоху Гражданской войны он должен приобретать особенное значение в силу большей, чем обычно, подверженности войск колебаниям и повышенной роли военно-психологического, морального фактора (в первую очередь — веры в свои силы и боевого «куража»). Похоже, что это понимали или инстинктивно чувствовали герои сухопутных сражений Первой Мировой — генералы Юденич и Деникин, в годы Белой борьбы производившие пополнение и разворачивание своих армий на основе фронтовых частей и соединений и достигавшие на этом пути больших успехов, чем Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий; Колчак же, склонившись к советам сторонников «регулярства» и системы резервов (вполне соответствовавшим и его собственным взглядам), совершил, должно быть, стратегическую ошибку.

Вместе с тем, говоря о приверженности Колчака к «регулярству», не следует забывать о негативном опыте лета 1918 года, когда своеволие «атаманов», которое вступало в конфликт с попытками военного строительства, предпринимаемыми адмиралом, неизбежно вырабатывало у него предубеждение против «излишне» самостоятельных фронтовых начальников. Мы уже затрагивали этот вопрос при обсуждении письма Александра Васильевича генералу Болдыреву; сделавшись же Верховным, автор

письма немедленно получил подтверждение своих опасений в виде скандальной позиции Атамана Семенова, который в течение полугода отказывался «признавать» Колчака и формально ему подчиняться (фактическое подчинение все-таки продолжалось). Дикая ситуация, когда Семенов был объявлен изменником и в то же время продолжал оставаться командующим значительными войсковыми соединениями и осуществлять не только военную, но и гражданскую администрацию на обширных территориях Забайкалья, естественно должна была обострять неприязнь адмирала к любым проявлениям того, что он, иногда, быть может, слишком поспешно квалифицировал как проявления «атаманства».

Конфликт с Семеновым глубоко уязвлял Колчака, хотя в конце концов на попятную во имя общего дела пошел именно Атаман (реабилитация которого от громких обвинений в государственной измене была весьма относительной, а дисциплинарные и административные права оказались значительно урезанными); этот прецедент, очевидно, заставлял с повышенной чувствительностью относиться и к действиям генерала Гайды — не менее самоуверенного, склонного к категорическому отстаиванию собственных суждений, не стесняющегося в формах, которыми они доводились до сведения Верховного, и самолюбивого до тщеславия. Крайне интересно, однако, что Колчак, при всей своей неприязни к «импровизации», иногда мешавшей ему разглядеть за *своеволием* — необходимую в Гражданской войне *инициативу*, время от времени интуитивно ощущал в антидисциплинарных поступках своих подчиненных некое рациональное зерно, и показательным примером тут является тот же Гайда. Адмирал не только долго терпит его и до последней возможности стремится улаживать все конфликты личными переговорами; не только готов разделить негодование Гайды во многих его справедливых по существу требованиях (например, в финансовом вопросе: «Ген[ерал] Гайда, — записывал в дневнике Председатель Совета Министров П. В. Вологодский, — доложил Верховному Правителю, что армия два месяца не получала жалованья [...]. Колчак выразился, что современный фи-

нансовый аппарат, очевидно, совсем не приспособлен к требованиям момента. Крайняя медленность печатания денежных знаков, волокита с их доставкой на места, отсутствие мелких купюр в стране и т. п. заставляют действовать по-атамански, и что он, Колчак, скоро сам вынужден будет прибегнуть к этим мерам атаманско-большевистского характера, т. е. к реквизициям, конфискациям, контрибуциям и выпускам денежных знаков из своего кабинета...»¹³³); не только продолжает вспоминать Гайду и его требования уже после скандальной отставки непокорного генерала, которая, казалось, проложила между ними пропасть («Я вижу лишь одно, что генерал Гайда все-таки во всем прав. Вы оклеветали его из зависти, оклеветали Пепеляева, что они совместно хотят учинить переворот, да... переворот необходим... так продолжать невозможно...» — кричал он, за десять дней до падения Омска, на Дитерихса и даже якобы «подумывал о приглашении снова генерала Гайды»¹³⁴); но и после того, как потерявший самообладание Гайда позволил впутать себя в политиканство тыловых социалистов-революционеров и принял участие в открытом мятеже, — адмирал, очевидно, не раз мысленно возвращается к бывшему подчиненному, коль скоро даже на краю могилы, в последней записке А. В. Тимиревой (написанной в тюрьме), уже предчувствуя близкую смерть, к глубоко личным словам и признаниям неожиданно добавляет: «Гайду я простил»¹³⁵.

Мы остановились на этом не только потому, что взаимоотношения, а затем и конфликт двух военачальников сами по себе были весьма значительными (Верховный Главнокомандующий и Командующий одной из армий!), но и потому, что в них видятся нам интуитивные поиски адмиралом Колчаком той «равнодействующей», которая позволила бы ему устанавливать оптимальные формы управления и военного строительства и отклонения от которой грозили немедленно развиться в губительные крайности — безоглядной «атаманщины» или косного теоретизирования. Адмирал, кажется нам, чувствовал, нащупывал эту «равнодействующую», но... времени не было, обстановка менялась едва ли не ежедневно, сотрудники Колчака были живыми людьми со своими не-

рвами, эмоциями, достоинствами и недостатками; а Александр Васильевич торопился, ошибался и... не успевал.

Крайностями характеризуются и отзывы о другой необходимой для вождя стороне его деятельности — личном общении адмирала с войсками. «Солдаты видят Верховного Правителя рядом с ними, на расстоянии выстрела [от противника], и они остаются очарованными, согретыми и преданными», — восторженно пишет (правда, кажется, с чужих слов) один из его сотрудников¹³⁶, — и в то же время другой приводит выдержку из солдатского письма «о том, что к ним приезжал “какой-то аглицкий адмирал Кильчак, должно быть из новых орателей, и раздавал папиросы...”»¹³⁷. Вряд ли имеет смысл решительно предпочитать одно из свидетельств другому или искать истину где-то посередине; в конце концов, у любого оратора бывают удачи и промахи, Колчак же, несмотря на то, что был в известной степени человеком «книжным», умел, как мы знаем, при случае говорить сильно и убедительно. Однако было бы несправедливо и отрицать в этой области очевидные ошибки, такие, как широкое распубликование приказа, отданного в первые же дни его пребывания на посту Верховного:

«ОФИЦЕРЫ РУССКОЙ АРМИИ.

С давних времен **ВЫ** являетесь оплотом и гордостью **РУССКОЙ АРМИИ**. Вы всегда были преданнейшими сынами Великой **РОССИИ**.

Теперь, когда наша израненная **РОДИНА** вновь становится на путь национального возрождения (разрядка документа. — *А. К.*), — я убежден, Вы отдадите все свои силы и не остановитесь ни перед какими жертвами, чтобы сплотиться вокруг меня для дружной самоотверженной боевой и созидательной работы по воссозданию Армии и восстановлению **РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**.

Благородная **АНГЛИЯ** и прекрасная **ФРАНЦИЯ** дружески протянули нам свои руки братской помощи, и я глубоко верю в то, что с ними, храбрыми Чехо-Словаками и с нашими молодыми солдатами, — мы спасем **РОССИЮ**, мы ее возродим и сделаем ее снова могучей и Великой»¹³⁸.

Ошибка здесь не в содержании документа — он совершенно справедлив и проницательно выделяет в ря-

дах войск именно тот элемент, которому и предстоит решить исход борьбы; но оглашение приказа «во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах» могло дать пищу злонамеренной агитации об «офицерском» («классовом») характере колчаковской армии и власти в целом. С другой стороны, и ознакомление с приказом одних офицеров не решало проблемы, поскольку полностью утаить его от солдатской массы все равно было невозможно — он стал бы известен через писарей, телефонистов, вестовых и проч.; и в этом частном примере как будто проявляется некая глобальная закономерность, когда правильные по сути поступки Верховного не приводят к желаемому результату, ибо в них не учитывается (а вернее — не «улавливается») непривычная, требующая подчас столь же непривычных решений обстановка.

Разумеется, речь не идет о приспособленчестве к настроениям толпы — оно было, в сущности, просто невозможным для Белых, которые в этом случае не были бы Белыми (потому столь наивно выглядят упреки Колчаку, что он не проявил «политической гибкости» и не издал чего-либо подобного «декрету о земле» и «декрету о мире»): суть Белого Дела и сводилась именно к движению «против течения», противостоянию той вакханалии, которая бушевала в стране в 1917-м, и той диктатуре, которая выкристаллизовалась из этого «коллективного безумия» в последующие годы; в этом смысле Белые были консерваторами, традиционалистами, и не могли быть никем более. Но настоятельно требовало нестандартных мыслей и поступков *военное творчество*, которое, согласно горячей проповеди германского теоретика фельдмаршала А. фон Шлиффена, заключается именно в том, что полководец «должен становиться над законами стратегии, должен взвешивать, какие из них он может в данном случае нарушить и какие в своем дерзновенном стремлении может использовать»¹³⁹. И, применимые к Деникину, Каледину, Юденичу, — эти слова нам, при всем желании, трудно применить к адмиралу Колчаку.

Трагедия, загадка или, если угодно, злой рок Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего оп-

ределялись, кажется, отнюдь не недостатком каких-либо качеств, требующихся для выполнения его работы. Александр Васильевич Колчак вовсе не был слабой безвольной пешкой в чужих руках; или лихим моряком, «умеющим управлять кораблем, но не армией»; или прекраснодушным идеалистом, самозабвенно возводившим воздушные замки над залитыми кровью и грязью полями Гражданской войны. Адмирал был человеком волевым, упорно стремящимся провести в жизнь свои решения, с широким кругозором и мощным интеллектом, военачальником, выбиравшим обоснованные и во многом рациональные пути, — и *именно поэтому*, когда обстановка оказывалась более сложной, а военное счастье изменяло, — удары оказывались, должно быть, слишком сильными и вызывали моральное перенапряжение и чрезмерно эмоциональную реакцию Верховного. «...В одинокой рабочей комнате, в груди, мучимой сомнениями, решение вынашивается не так легко и гладко, как звучат слова [...], ибо на войне все тяжело», — писал Шлиффен, не понаслышке знавший, что такое штабная работа, даже о своем кумире — внешне-бесстрастном, хладнокровном рационалисте фельдмаршале Г. фон Мольтке Старшем¹⁴⁰; и кольми паче должен был терзаться выбором, ответственностью, тяжестью принятого на себя креста полководца — адмирал, в свое время сформулировавший в качестве «credo» жестокую заповедь:

«Виноват (выделено А. В. Колчаком. — А. К.) тот, с кем случается несчастье, если даже он юридически и морально ни в чем не виноват. Война не присяжный поверенный, война не руководствуется уложением о наказаниях, она выше человеческой справедливости, ее правосудие не всегда понятно, она признает только победу, счастье, успех, удачу, — она презирует и издевается над несчастьем, страданием, горем — “горе побежденным” — вот ее первый символ веры»¹⁴¹.

Эта беспощадность к себе, буквально терзавшая душу адмирала Колчака по меньшей мере с 1917 года (как то можно заключить из его писем), вряд ли была распознана окружающими, которые предпочитали несколько свысока судить о «бесхарактерном» «большом ребенке», «по-

лярном идеалисте», «далеком от жизни», не имеющем «собственного мнения по незнакомым для него вопросам» и вообще представляющем собою «мягкий воск, из которого можно лепить все, что угодно»¹⁴² или, по крайней мере — о «человеке кабинетном», для которого «любимым занятием» было «проводить время за книгой»¹⁴³... Но объясняло ли такое — в чем-то романтизированное, в чем-то пренебрежительное — отношение к Колчаку ту трагическую печать, лежавшую на всем его облике, «в губах что-то горькое и странное»¹⁴⁴, что бросилось в глаза при первой встрече даже человеку, уже предубежденному против адмирала и стяжавшему впоследствии известность в качестве самого яркого, резкого и... несправедливого его критика?

И не более ли прозорливыми (конечно, случайно и неосознанно) оказались боевые офицеры из Георгиевской Думы Сибирской Армии, к Пасхе 1919 года поднесшие Александру Васильевичу Орден Святого Георгия III-й степени «за разгром армий противника Русскими Армиями под управлением Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего Адмирала Колчака»¹⁴⁵? Ведь в исторической перспективе отходят на задний план реальные успехи русских войск весной 1919-го, тогда впечатлявшие, но оказавшиеся мимолетными, — и смысл этого удостоения видится совсем в другом: Армия возлагала на своего предводителя Крест, оказавшийся столь же тяжелым, сколь и почетным, а ближайшие события напомнили имеющим память, что небесный покровитель самой почетной награды Русского Воинства даже в «официальном титуловании» своим был *Великомучеником* прежде, чем *Победоносцем*... Войска благословили Верховного «белым крестиком», но не прообразовало ли это благословение открывавшийся перед адмиралом *крестный путь*?

Нельзя умолчать и еще об одном благословении. Согласно рассказу адъютанта Колчака, ротмистра Князева, перешедшим линию фронта священником был доставлен от Патриарха Московского и всея России Тихона фотографический снимок с иконы Святителя Николая, пострадавшей при обстреле Московского Кремля большевиками в 1917 году, и письма, благословляющего на

борьбу против захвативших власть безбожников. Свидетельство Князева, человека, по некоторым отзывам, довольно легкомысленного, может быть подвергнуто сомнению, но его упоминание о поднесении Колчаку в Перми увеличенной копии этой иконы¹⁴⁶ находит подтверждение в современной событиям прессе, сообщавшей, что при посещении Верховным Правителем освобожденной от большевиков Перми 19 февраля 1919 года Епископ Чебоксарский Борис, временно управляющий Пермской епархией, действительно «благословил его иконой Святителя Николая Чудотворца, представляющей собою точный снимок с чудотворного лика Угодника Божия на Никольских воротах священного Кремля»¹⁴⁷. Ясно, что официальное обнаружение благословения Святителя Тихона немедленно навлекло бы на Патриарха лютые гонения богоборческой власти, чего не могли не понимать Верховный Правитель и Высшее Временное Церковное Управление, находившееся в Омске; но об особом характере врученной адмиралу иконы — копии кремлевской святыни, кажется, может свидетельствовать повышенное внимание и почтение к ней как самого Колчака, так и Православного церковного люда. «Глубоко верующий Адмирал с благоговением принял св[ятую] икону и решил, что эта святыня отныне будет сопровождать его во всех трудах и походах», — сообщал журнал Церковного Управления; в свою очередь, «благочестивые граждане г[орода] Омска пожелали поклониться св[ятой] иконе Угодника Божия и всенародно помолиться перед нею о спасении отечества», следствием чего стали прошедшие по благословию Архиепископа Омского Сильвестра многолюдные крестные ходы 23 и 30 марта¹⁴⁸. Все это позволяет предположить, что об иконе и вправду знали нечто такое, что, не попадая на страницы официальных изданий, возбуждало тем не менее особенно горячее и ревностное ее почитание.

Конечно, тогда, зимой — весной 1919 года, все думали о победах и надеялись на успех, видя в благословении Церкви залог грядущего возрождения России. Но Бог судил иное — и уже вскоре Армия во главе со своим Верховным вступила на стезю мученичества, завершившую

земную судьбу Александра Васильевича Колчака скорбной, но по-прежнему героической нотой.

* * *

Последние месяцы жизни адмирала, неоднократно и достаточно подробно отраженные в исторической литературе, были омрачены ощущением повсеместного предательства, наиболее демонстративного со стороны иностранных контингентов — бывших союзников, сейчас становившихся врагами не лучше большевиков. Колчак, по свидетельству одного из его сотрудников, осенью 1919 года внимательно читавший «Протоколы Сионских мудрецов»¹⁴⁹, быть может, готов был склониться к мысли о «мировом заговоре» против России, но действительность представлялась намного проще и... гаже: главным мотивом «союзников» оказывалось элементарное шкурничество — желание как можно скорее выбраться из чужой страны, камуфлируя свои побуждения пышными «демократическими» заявлениями. И началось все это достаточно рано — начальник одной из русских дивизий еще 12 декабря 1918 года писал Верховному:

«...Чехи от наступления отказались. Официальные мотивы: против них нет немцев и мадьяр; русские в тылу ничего не делают; Национальный совет не признает Вас; не желают содействовать возвращению в России старого режима и проч. чепуха. Правда же в том, что просто не желают воевать.

Тогда я поставил вопрос так: будут ли они наступать, если я, действуя вне линии жел[езной] дороги, буду заходить в тыл красным и зажимать последних в тиски между собой и чехами, т. е., вернее, будут ли они продвигаться вперед с целью забирать пленных и трофеи, которые я буду отрезывать?

Ответ получил: нет, не будут...»¹⁵⁰

Тогда весы еще колебались: посетивший Сибирь Военный Министр независимой Чехословакии, генерал М.-Р. Стефанек, был искренне возмущен позорным поведением своих соотечественников («сказал, что он может принять почетный караул лишь от честных войск, а от таких войск, кото-

рые ищут компромиссов и занимаются политикой, он принять не может») и демонстрировал это весьма ярко (у одного из упорствовавших «сорвал чешскую ленточку, приказал арестовать, лишил права возвращения на Родину и предложил застрелиться») ¹⁵¹. Увы, самоубийства приходилось ожидать не от шкурников, а от тех доблестных героев-союзников, которые тяжело переживали разложение в собственных рядах, — как полковник И. В. Швец, застрелившийся после отказа своих подчиненных выполнить боевой приказ: «Быть может, он думал, что его поступок заставит образумиться покотившееся назад Чехословацкое войско. Но Швец ошибся. Легионеры похоронили его с музыкой, с речами, с биением себя в грудь, и продолжали уходить в тыл» ¹⁵². А после того, как генерал Стефанек трагически погиб в авиационной катастрофе, его преемник сразу же утешил тех, кому покойный запрещал возвращаться в Чехословакию: «Пусть приезд наших послов будет для Вас вестью, что настанет конец старому и что неотвратимо приближается день, когда начнется последний поход, тот наипрекраснейший поход — поход домой. “Домой!” — это Ваш девиз, и к нему обратим все наши силы»; послы же привезли и письмо от главы Чехословацкого государства, профессора Т.-Г. Масарика, еще более откровенное, если только это было возможно:

«Знаю, что Вами владеет лишь одна мысль — возвращение домой.

Со мною это знает весь Народ.

Мы хотим и стараемся, чтобы Вы все как можно скорее возвратились домой. [...]

Политически я был бы счастлив, как и с самого начала, когда мы достигли размеров огромной военной силы, установить в отношении русских полный нейтралитет...» ¹⁵³

«Нейтралитет» вскоре обернулся оккупацией чехословаками железной дороги (важнейшей в Сибири транспортной артерии), соглашениями с наступающей Красной Армией, партизанами и мятежными гарнизонами, в ряде случаев — ударами в спину русским войскам, и нашел свою кульминацию в выдаче на смерть адмирала Колчака; однако несправедливо было бы приписать эгоистические действия и побуждения *только* чехословац-

ким контингентам, привлекающим наибольшее внимание прежде всего в силу значительной численности, которая зачастую и позволяла им становиться «главным фактором» сибирской катастрофы. На самом деле, своекорыстием отличались практически все «союзники» (в кавычках или без кавычек), и совершенно справедливы наблюдения и вывод одного из старших офицеров штаба Верховного, сделанные еще в ноябре 1918 года:

«1. Формирующиеся национальные части в большинстве случаев получают обмундирование, обувь, снаряжение, вооружение из наших складов, что сильно отражается на снабжении и боевой подготовке русских частей.

2. Занимают в городах лучшие помещения и казармы, и вследствие этого наши части вынуждены размещаться скученно [...] (дефект архивного документа. — А. К.). При таких условиях размещения страдает интенсивность занятий наших частей, и

3. Вследствие крупных политических событий в Германии и Австрии (окончание Мировой войны и революция. — А. К.), с уничтожением военного их могущества, основная идея национальных частей: “с оружием в руках бороться совместно с нами против насильников немцев за свою самобытность” не только изменилась, но и заменилась другою: “скорее возвратиться к себе домой”.

Надеяться на хорошую и совместную их работу с нашими частями на фронте нельзя (примеры — некоторые чешские части, сербский полк [имени] майора Благотича отказались идти на фронт)...»¹⁵⁴

Упомянутый в письме отказ принимать участие в боях со стороны Добровольческого полка Сербов, Хорватов и Словенцев имени майора Благотича (около 2 500 штыков и шашек, что соответствовало численности иной русской дивизии!) его командованием откровенно объяснялся «необходимостью сохранить солдат для обезлюдившей за время войны Сербии»¹⁵⁵ (пока же чины полка, отмечает современник, «неся гарнизонную службу, при наличии массы свободного времени, разлагаются, бродят, как общее явление за последнее время, по городу и занимаются политикой и спекуляцией»¹⁵⁶), а руководство Временного Югославянского Национального Совета в Рос-

сии в те же дни настаивало на предоставлении ему самых широких полномочий — и, конечно, финансирования — для... дальнейших формирований, любезно (но, кажется, безосновательно) предполагая «возможность возврата на родину сербских и югославянских (так в документе. — А. К.) боевых частей по направлению юга России», дабы «вернуть их родине в виде боевой силы, попутно же оказать и России услугу»¹⁵⁷; пока же заботиться о возрождении далекой Сербии, как подразумевалось, должна была истекавшая кровью Белая Сибирь...

Звучавшие среди командного состава русской армии требования поскорее выпроводить бесполезных и чересчур дорогостоящих союзников по домам или даже (генерал Лебедев) загнать их обратно в лагеря военнопленных — так и не были воплощены, и это заметно отразилось на общей обстановке в ноябре 1919 — январе 1920 года... но нельзя снимать ответственности и с тех русских, кто дезертировал, поднимал мятежи, кто оставался глух к отчаянному призыву Верховного Правителя:

«Сбросьте же с себя позорные цепи безразличия к судьбе Родины — вы, забывшие все, кроме собственного благополучия и честолюбия.

Очнитесь же от смятения и паники и вы, трусливо пытающиеся укрыться бегством от большевиков.

Поймите, что уже не о лишении вас вашего достоинства поставлена ставка. В этой ПОСЛЕДНЕЙ И СТРАШНОЙ БОРЬБЕ, которая сейчас разворачивается, ДЛЯ ВАС ВЫХОД ТОЛЬКО ПОБЕДА ИЛИ СМЕРТЬ»¹⁵⁸.

Адмирал Колчак хотел быть князем Пожарским, но ему приходилось становиться и гражданином Мининым — трибуном, пытающимся разбудить дремлющую совесть и силу народа. Но, как человек, потерявший слишком много крови, Россия впадала в предсмертную апатию, и лишь последние, послушные железной воле генерала В. О. Каппеля и его сподвижников, шли легендарным Сибирским походом через ледяную тайгу. И в этот грозный час в рядах отступающей Армии не было ее Верховного Главнокомандующего.

А похоже, Колчак мечтал именно о солдатской доле. «В настоящее время издан верх[овным] прав[ителем] (при-

каз) отправить свой поезд вперед, — доносил агент «союзной» разведки, — [а] самому [с] ружьем в руках отходить с конвоем, если это будет суждено»¹⁵⁹; «Я буду разделять судьбу армии», — говорил адмирал и одному из своих ближайших сотрудников¹⁶⁰. Однако обстоятельства — сначала внутривластительский кризис, заставлявший перед лицом фрондирующей «общественности» до последнего держаться за свою столицу — Омск, а затем необходимость личного контроля над эвакуацией государственного золотого запаса — вынудили Колчака избрать путь отступления по железной дороге, оторвавшись таким образом от преданных ему войск, ведомых безукоризненно лояльным к верховной власти Каппелем. Теперь судьба Александра Васильевича зависела от «союзного» командования, контролировавшего магистраль, — а оно, кажется, уже сделало свой выбор.

Главнокомандующий союзными войсками, французский генерал М. Жанен, мог затаить неприязнь еще с конца 1918 года, когда Колчак решительно восстал против попыток Антанты навязать иностранца в качестве... верховного руководителя всеми русскими вооруженными силами («Ему поручено организовать русскую армию», — говорил о Жанене один из французских дипломатических представителей¹⁶¹). «Общественное мнение не поймет этого и будет оскорблено, — резонно возмущался тогда адмирал. — Армия питает ко мне доверие; она потеряет это доверие, если только будет отдана в руки союзников. Она была создана и боролась без них. Чем объяснить теперь эти требования, это вмешательство? Я нуждаюсь только в сапогах, теплой одежде, военных припасах и амуниции. Если в этом нам откажут, то пусть совершенно оставят нас в покое. Мы сами сумеем достать это, возьмем у неприятеля. Это война гражданская, а не обычная. Иностранец не будет в состоянии руководить ею. Для того, чтобы после победы обеспечить прочность правительству, командование должно оставаться русским в течение всей борьбы»¹⁶². Сложно сказать определенно, насколько был уязвлен этим французский генерал, но чувство резкой враждебности к Верховному Правителю России сквозит во всех последующих запи-

сях его дневника. А 2 января 1920 года он выскажется откровенно до цинизма: «При отъезде моем из Омска я предложил адмиралу взять поезда с золотом под мою охрану, но... адмирал это отклонил... доверия не было... теперь же будет трудно сделать что-нибудь, во всяком случае то, что касается его личности...»¹⁶³ Все уже было решено.

В связи с недоверием Колчака к иностранцам нередко приводится фраза, будто бы сказанная их дипломатическим представителям: «Я вам не верю и скорее оставлю золото большевикам, чем передам союзникам»¹⁶⁴. Мы не имеем оснований полностью отвергать подлинность этих слов, которые в принципе могли вырваться у адмирала в минуту запальчивости; однако нельзя и не отметить, что известность они должны были приобрести, выйдя из тех же дипломатических кругов, фактически уже склонявшихся к измене и заинтересованных в моральном самообелении (а может быть, это произошло и *post factum*, когда измена совершилась), — а также что по аналогичному поводу адмирал Колчак, уже находясь в руках своих врагов и будучи спрошен об отношении к японцам («желтая опасность» со стороны которых его, как мы помним, весьма волновала, а поддержка, сепаратно оказываемая Атаману Семенову, трактовалась чуть ли не как поощрение государственной измены), ответил со всею определенностью: «Фразу, которая мне приписывается — “лучше большевики, чем японцы”, — я нигде не произносил»¹⁶⁵. И потому попытки представлять Верховного Правителя России в последние месяцы его жизни внутренне примиряющимся с захватчиками — не только голословны, но и, по нашему мнению, кощунственны.

Вполне вероятно, что Александр Васильевич в те дни был надломлен роковыми неудачами, постигшей Армию катастрофой, унижениями, которые приходилось переносить от недавних союзников. Но капитулянтскую позицию (правда, еще не перед красными, а перед «розовой», «земской властью» умеренно-социалистического направления) занял все же не он, а его министры, заблаговременно проехавшие в Иркутск. Они не только не поддержали своим авторитетом представителей власти единственную реальную попытку русских войск пробиться

к Верховному (это Атаман Семенов — тот самый Семенов, «вечный» противник и, кажется, личный недоброжелатель адмирала! — бросил на выручку отряд из нескольких бронепоездов и небольшого десанта, который, однако, не достиг успеха из-за противодействия численно превосходящих «союзников»), но и отправили Колчаку телеграмму вполне ультимативного тона: «...Положение в Иркутске после упорных боев гарнизона и забайкальских частей против повстанцев заставляет нас в согласии с командованием решиться на отход на восток, выговаривая через посредство союзного командования охрану порядка и безопасности города и перевода на восток антибольшевистского центра, государственных ценностей и тех из войсковых частей, которые этого пожелают. Непременным условием вынужденных переговоров об отступлении является ваше отречение, так как дальнейшее существование в Сибири возглавляемой вами российской власти невозможно. Совмин единогласно постановил настаивать на том, чтобы вы отказались от прав верховного правителя, передав их генералу Деникину, и указ об этом передали через чехштаб предсовмину для публикации. [...] Настаиваем на издании вами этого акта, обеспечивающего от окончательной гибели русское дело»¹⁶⁶.

Мало того, расхрабрившиеся министры даже «решили, [что] если Колчак не ответит на сделанное предложение, то правительство объявит себя верховной властью»¹⁶⁷, — то есть уже открыто шли на государственный переворот (еще один удар в спину Верховному Правителю), и вряд ли их оправдывает даже давление, которому они, очевидно, подвергались со стороны союзных представителей, считавших необходимым уход Колчака с политической сцены (Жанен с неудовольствием писал в дневнике о своих коллегах: «Они не смогли даже добиться у него отречения в такой форме, которой можно было бы поверить...»¹⁶⁸). Но было ли вообще «отречение»... отречением?

Прежде всего отметим, что сам адмирал не был чужд этой мысли, а по утверждению последнего премьер-министра колчаковского правительства В. Н. Пепеляева (стар-

шого брата генерала) — так и прямо «выдвигал вопрос отречения в пользу Деникина» еще в начале декабря 1919 года¹⁶⁹; до этого, как мы помним, проблема преемственности государственной власти оставалась нерешенной, и даже в ноябрьские дни крушения фронта Верховный пошел лишь на «предоставление ген[ералу] Деникину всей полноты власти на занятой им территории» и — звучащее как завещание — изъявление «полной уверенности», «что я никогда не разойдусь с ним в основаниях нашей общей работы по возрождению России»¹⁷⁰. Советский историк, правда, утверждает, что «15 декабря был издан указ о назначении генерала Деникина преемником верховной власти»¹⁷¹, — возможно, основываясь при этом на беглом упоминании в книге бывшего Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России: «...Актом от 2 декабря 1919 г. (Деникин, как правило, использует старый календарный стиль. — А. К.) предreshалась и “передача верховной всероссийской власти ген[ералу] Деникину”»¹⁷²; но из текста не ясно, было ли генералом своевременно получено известие об этом (судя по всему — нет), да и сама формулировка остается весьма неопределенной. С запозданием узнал Деникин и об указе Верховного Правителя от 4 января 1920 года¹⁷³.

С этим указом связана еще одна версия, исходящая из советского источника и не подтвержденная документально. Согласно ей, в ночь на 5 января адмирал «решительно подписывает» указ о передаче власти Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России, после чего следует душераздирающий рассказ о том, как представитель Атамана Семенова чуть ли не угрозами добивается поддержки у окружения Колчака и вынуждает адмирала, уже «отрекшегося» и сдавшего власть («Итак — кончено! Тяжесть и ответственность власти переданы другому. Теперь Колчак — обыкновенный русский офицер...»), написать новый указ — не имеющий законной силы и вообще «поддельный»¹⁷⁴. Это и есть документ, известный как указ от 4 января:

«Ввиду предreshения мною вопроса о передаче ВЕРХОВНОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ власти Главнокомандующему вооруженными силами юга РОССИИ Генерал

Лейтенанту Деникину, впредь до получения его указаний, в целях сохранения на нашей РОССИЙСКОЙ Восточной Украине оплота Государственности на началах неразрывного единства со всей РОССИЕЙ:

1) Предоставляю Главнокомандующему вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа Генерал Лейтенанту Атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территории РОССИЙСКОЙ Восточной Украины, объединенной РОССИЙСКОЙ ВЕРХОВНОЙ властью.

2) Поручаю Генерал Лейтенанту Атаману Семенову образовать органы Государственного Управления в пределах распространения его полноты власти»¹⁷⁵.

Заметим, однако, что версия о «недействительности» последнего указа Колчака выдвигалась в 1920-е годы, когда активно выступавший в эмиграции Атаман подкреплял свои позиции ссылкой на законную преемственность от покойного адмирала, а большевики, естественно, были заинтересованы в подрыве его авторитета любыми путями; автор же версии, бывший красный подпольщик (и белый контрразведчик¹⁷⁶ — не профессиональный ли «двойной» провокатор?), П. С. Парфенов-Алтайский, с самого начала своей «историографической» деятельности приобрел репутацию фальсификатора и печатно обвинялся не только «в “подтасовке” некоторых фактов», но и «в “составлении” некоторых документов»¹⁷⁷. Все это, наряду с памфлетно-ерническим тоном его повествования, заставляет с подозрением относиться к голословным утверждениям, — *единственным* же документом, относящимся к вопросу о «передаче» или «преемственности» власти, как бы то ни было, остается неоднократно публиковавшийся, в том числе и факсимильно, указ от 4 января.

Но ведь он вовсе не является формальным отречением! В сущности, полномочия, предоставляемые им Семенову, ничем не отличаются от тех, которыми двумя месяцами ранее был облечен Деникин (последней телеграммой из Сибири), и лишь отражают тяжесть ситуации, когда не только Южная Россия, но и Забайкалье с Приморьем оказались отрезанными от правительственного центра (то есть вагона Верховного Правителя) и впредь

до восстановления единства должны были управляться самостоятельно; относительно же верховной власти речь идет исключительно о предрешении вопроса ее наследования (ранее, как мы помним, Колчак колебался), а отнюдь не о состоявшейся сдаче своего поста. И если объективно значение приведенных выше соображений, кажется, не так уж и велико — в ближайшие же часы Верховный Правитель выбыл из строя, и «предрешение» приобрело статус завещания, — то субъективно, применительно к личности Александра Васильевича, дело обстоит совсем не так: поскольку нам не известно официального акта отказа адмирала Колчака от власти, можно предположить, что и в самой безвыходной ситуации, блокированный «союзниками» и почти уже переданный ими в руки мятежников и красных партизан, он был верен морскому закону — *до конца оставаться на капитанском мостике тонущего корабля.*

...Когда осенью 1916 года взорвался и затонул флагман Черноморского Флота — дредноут «Императрица Мария», Колчак жалел, что пережил любимый корабль. Теперь под воду уходило все Государство Российское — и адмирал предпочел до конца не покидать своего поста.

* * *

Последний месяц жизни Александра Васильевича должен был стать достойным по тяжести венцом всех предыдущих испытаний, — и не только потому, что всякий плен тягостен для истинно военного человека или в силу известного нам отвращения, почти физиологического, которое испытывал он к нынешним хозяевам положения. Дело еще и в нагнетаемой вокруг пленника удушающей атмосфере какого-то бреда, в которой адмиралу суждено было перейти в мир иной и которая и после смерти продолжает окутывать его фигуру. Даже допросы Колчака производят впечатление чего-то иррационального, — искусственного и трудно объяснимого затягивания времени, причем не «подследственным», и на краю могилы держащимся с полным самообладанием и достоинством, а «следователями», которые, запланировав в со-

ставленном перед началом «следствия» «Проекте сводки вопросов по допросу адмирала Колчака» уделить основное внимание антибольшевицкой деятельности адмирала¹⁷⁸, на деле приблизились только к первым его шагам на посту Верховного Правителя, до этого подробно расспрашивая и фиксируя рассказ Александра Васильевича о научной работе, военно-морском строительстве, отношении к покойному Государю и монархии и проч. Допрашивающие как будто не знают, чего они хотят, или же ожидают чего-то — распоряжений из Москвы?

А распоряжения не замедлили. Телеграммой, зашифрованной включительно до подписи Председателя Совнаркома (то есть те, кто эту телеграмму принимал, не должны были знать даже о самом факте получения шифровки непосредственно от Ленина), Реввоенсовету наступающей 5-й Армии предписывалось: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами (регулярной Красной Армией. — А. К.) Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступали так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске»¹⁷⁹. Невозможно интерпретировать приведенный текст иначе как приказ о бессудном и тайном убийстве, — но сознательно напускаемый туман ставит нас перед новыми вопросами.

Колчак был открытым и смертельным врагом Советской власти, руководившим военными действиями против нее и не отказывавшимся от ответственности за их ведение и результаты. «Международное мнение», несомненно, закрыло бы глаза на любые «суды» и «приговоры» над Верховным Правителем, с официальным признанием которого столь предусмотрительно промедлили великие державы (случайно ли по возвращении из Сибири Жанен — один из главных виновников плена и смерти Колчака — был награжден Орденом Почетного Легиона¹⁸⁰?). Практически в тот же период большевики не колебались устраивать открытые «суды» и над людьми, менее «виновными» перед ними («суд над колчаковскими министрами», «процесс социалистов-революционе-

ров», «церковные» процессы), не говоря уже о том, что «публика» в таких случаях вполне могла быть подставной, а все «судебные документы» — фальсифицированы. И тем не менее центральная власть не только не решается «судить» адмирала, но и трусливо прячется за спину местных революционеров, даже в сверхсекретной телеграмме предпочитая изъясняться обиняками (впрочем, весьма прозрачно) и более всего заботясь, чтобы все было сделано «архи-надежно». И сегодня, читая изворотливое ленинское «поступали так и так» («Шифром... Подпись тоже шифром...»), уместно спросить: *почему же Ленин, отделенный тысячами верст и сотнями тысяч штыков, так панически боится уже пленного Колчака?*

Менее всего расположены мы углубляться в анализ душевных движений большевицкого вождя, но одно представляется очевидным: вся эта таинственность имеет иррациональные корни, страх приобретает характер едва ли не мистический, и в связи с этим невозможно игнорировать тот факт, что убийство Верховного Правителя России было совершено в день (7 февраля — по старому стилю 25 января) установленного еще в 1918 году Священным Собором Православной Российской Церкви всероссийского «ежегодного молитвенного поминовения [...] всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников»¹⁸¹: представители богоборческой власти, вольно или невольно, сделали все, чтобы воин Александр был причислен к сонму мучеников за Веру и Отечество.

Нельзя не упомянуть и о зловещих слухах, выползавших из чрезвычайек и относящихся к последним часам жизни Колчака. По свидетельству одного из современников, возглавлявший «следственную комиссию» С. Г. Чудновский «определенно заявил, что адмирал не был расстрелян: “Казнь ему мы придумали чувствительную и экономную”»¹⁸², — и даже если сохранять надежду на иносказательное толкование этих глумливых слов или считать весь рассказ апокрифическим, документы как будто свидетельствуют о лживости многократно опубликованных советских описаний смерти Колчака на берегу реки Ушаковки (приток Ангары): датированная 7 февраля «опись вещей» адмирала (в том числе предметов одежды — шуба, шапка, френч...),

как справедливо замечает современный историк, заставляет задать простой вопрос: «...Неужели главный чекист Иркутска снимал с трупа перед утоплением в полынье вещи, упомянутые в описи? Или Колчака и Пепеляева (Председатель Совета Министров был убит вместе с Верховным. — А. К.) действительно не выводили за пределы тюрьмы?»¹⁸³ И в любом случае лейтмотивом поведения палачей становятся слова, сказанные одним из царевубийц: «Мир никогда не узнает об этом»¹⁸⁴. К той тайне обаяния имени Колчака, которая сопровождала его всю жизнь и о которой мы здесь говорили, Советская власть позаботилась добавить и свою, темную и жуткую тайну...

И все-таки не ей суждено было одержать победу. Образ адмирала перешел в историю, окруженный романтическим и героическим ореолом, существуя отдельно и независимо не только от всего, что говорилось и писалось большевиками, но и от тех черт реального Александра Васильевича Колчака, которые как бы «приземляли» или «приземляли» его. Пожалуй, чаще и громче всего звучали слова о Верховном Правителе как трагической, светлой и жертвенной фигуре, наиболее емко сформулированные И. А. Буниным:

«Настанет день, когда дети наши, мысленно созерцая позор и ужас наших дней, многое простят России за то, что все же не один Каин владычествовал во мраке этих дней, что и Авель был среди сынов ее.

Настанет время, когда золотыми письменами, на вечную славу и память, будет начертано Его имя в летописи Русской Земли»¹⁸⁵.

Но не забудем, что в первые месяцы (а может быть, и годы) после сибирской катастрофы было и другое. Почувствовавшие советский гнет неожиданно стали рисовать картины грядущего избавления не в духе почти анархического «мужицкого рая», жизни «по своей воле»: сквозь наступавшую тьму «владычества Каина» мерещился мощный герой, который и должен был вновь возглавить борьбу, как возглавлял он ее недавно, — и с волнением слушал в уральской глуши ссыльный белый офицер гневные речи крестьянина, ненавидящего «коммунаров»: «Я сам у Колчака служил!.. И вот вернулся зря в село... Но Колчак придет

иш-шо! Мы их всех тут живьем спалим»; «...Вытряхнем усе, как придет Колчак... У пух разобьем все!»

«Я слушаю его, — рассказывает мемуарист, — и только радуюсь такому настроению крестьян, и уж не хочу разочаровывать его и крестьян, что адмирал Колчак расстрелян красными, чтобы не ослаблять “их надежды”...»¹⁸⁶ И был он, наверное, прав, хотя сама жизнь разбивала такие надежды жестоко и быстро. Был прав, потому что в наивном ожидании Колчака (быть может, вчерашними дезертирами) сейчас, десятилетия спустя, проглядывает-ся больше, чем просто надежда и наивность.

В самые смутные и мятущиеся годы свои, больная или юродивая, Россия с озлоблением или благоговением *бредила Колчаком*. И она не могла забыть своего адмирала после его смерти — вопреки его смерти.

Верховного Правителя России, в России навсегда оставшегося.

А. С. Кручинин

Примечания

- ¹ *Грэт В.* Колчак // Донская Волна. Еженедельник истории, литературы и сатиры. [Ростов-на-Дону], 1919. № 18 (46), 28 апреля [старого стиля]. С. 1.
- ² *Будберг А. П.* Дневник // Архив Русской Революции, издаваемый И. В. Гессеном. [Т.] XIII. Берлин: [издательство «Слово»], 1924. С. 215; [Т.] XIV. 1924. С. 255.
- ³ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства). Т. II. [Пекин: Типолитография Русской Духовной Миссии; Харбин: Общество Возрождения], 1921. С. 346.
- ⁴ *Серебренников И. И.* Мои воспоминания. Т. I. В революции (1917–1919). Тяньцзинь: [типография «Star Press»], 1937. С. 229.
- ⁵ Рапорт майора Моринса о приеме Колчаком генералов Сахарова и Дитерихса [без даты; не ранее 5 ноября 1919 года] // Последние дни колчаковщины. Сборник документов / Центрархив. М.—Л.: Государственное Издательство, 1926. С. 54 (документ № 6).
- ⁶ *Жанен М.* Отрывки из моего сибирского дневника / Перевод с французского // Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л.: издательство «Красная Газета», 1930. С. 30 (запись от 7 ноября 1919 года).

- 7 *Филимонов Б. Б.* Белая Армия Адмирала Колчака. М.: издательство «Рейтар», 1997. (Малая серия; Вып. № 3). С. 43.
- 8 *Константин (Зайцев), архимандрит.* Чудо Русской истории. М., 2000. С. 555.
- 9 Письмо А. В. Тимиревой Г. В. Егорову. Цит. по факсимильному воспроизведению в: Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни / Сост. Г. В. Егоров. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1991. Вкл. с. 160/161.
- 10 *Гинс Г. К.* Указ. соч. Т. I. 1921. С. 6.
- 11 *Колчак В. И.* Война и плен. 1853—1855. Из воспоминаний о давно пережитом // *Колчак В. И., Колчак А. В.* Избранные труды. СПб.: Судостроение, 2001. С. 73.
- 12 *Колчак Р. А.* Адмирал Колчак, его род и семья // Военно-Исторический Вестник. № 16. [Paris]: издание Общества любителей Русской военной старины, ноябрь 1960. С. 16.
- 13 Письмо А. В. Колчака сыну Ростиславу (около 15—20 октября 1919 года). См. там же. С. 19.
- 14 *Книпер [Тимирева] А. В.* Фрагменты воспоминаний // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». М.: Прогресс; Традиция; Русский путь, [1996]. С. 74.
- 15 Письмо из Императорского Русского географического общества Морскому Министру от 28 февраля 1906 года за № 88. Цит. по факсимильному воспроизведению в: *Синюков В. В.* Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики. М.: Наука, 2000. (Научно-биографическая литература). С. 206.
- 16 Телеграмма А. В. Колчака ученому секретарю Комиссии по снаряжению Русской Полярной Экспедиции от 28 января 1904 года, без номера. Цит. по факсимильному воспроизведению: там же. С. 189.
- 17 *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак. (Краткий биографический очерк). [Париж]: издание Военно-Морского Союза, [1930]. (Русская Морская Зарубежная Библиотека; № 16). С. 16.
- 18 *Савич Н. В.* Три встречи (А. В. Колчак и Госуд[арственная] Дума) // Архив Русской Революции. [Т.] X. 1923. С. 171.
- 19 *Колчак А. В.* Краткий обзор исследования морского пути вдоль северных берегов России // *Колчак В. И., Колчак А. В.* Избранные труды. С. 261.
- 20 *Смирнов М. И.* Указ. соч. С. 22—23.
- 21 Письмо адмирала В. И. Канина вице-адмиралу А. В. Колчаку (дата публикатором не указана). Цит. по: *Смирнов А.* Отец и сын. Штрихи к портрету // *Колчак В. И., Колчак А. В.* Избранные труды. С. 15.

- 22 Приказ Черноморскому Флоту 10 июля 1916 года (номер публикатором не указан). См. там же. С. 15.
- 23 *Кришевский Н. Н.* В Крыму (1916–1918 г.) // Архив Русской Революции. [Т.] XIII. С. 73.
- 24 *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж: книжное дело «Родник», [б. г.]. С. 163–164.
- 25 См.: *Данилов Ю. Н.* Великий Князь Николай Николаевич. Париж: Imprimerie de Navarre, 1930. С. 319–326.
- 26 См.: *Смирнов М. И.* Указ. соч. С. 30–32.
- 27 См.: *Лукин А. П.* Флот. Русские моряки во время Великой войны и революции. Т. II. Париж: [издание журнала «Иллюстрированная Россия»], 1934. (Библиотека «Иллюстрированной России»; Кн. 50). С. 109–111.
- 28 Черновик письма А. В. Колчака к А. В. Тимиревой от 11–14 марта 1917 года // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 157.
- 29 Из дневника А. В. Романова (Великого Князя Андрея Владимировича. — А. К.) за 1916–1917 гг. // Красный Архив. Исторический журнал. М.—Л.: Государственное Издательство, 1928. Т. 1 (26). С. 197.
- 30 См.: *Шинкаренко Н. В.* Вечер в Оргееве. (Из воспоминаний о графе Келлере) // Донская Волна. 1919. № 2 (30), 5 января [старого стиля]. С. 6–7.
- 31 *С. В.* 70 лет тому назад. Весна 1917 года // Часовой. Орган связи Российского Национального Движения. № 664 (2). Bruxelles, март 1987. С. 15.
- 32 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Т. II. Борьба Генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. Paris: J. Povolozky & Cie, [1922]. С. 25–26.
- 33 *Малышкин А. Г.* Севастополь // *Малышкин А. Г.* Рассказы. Падение Даира. Севастополь. М.: издательство «Правда», 1985. С. 219.
- 34 Быховский альбом // Белое Дело. Летопись Белой Борьбы. [Кн.] II. [Берлин]: книгоиздательство «Медный Всадник», [1927]. С. [11].
- 35 *Колчак А. В.* Сообщение в Офицерском союзе Черноморского флота и собрания делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе // *Колчак В. И., Колчак А. В.* Избранные труды. С. 376–377.
- 36 Там же. С. 377–378, 380, 382.
- 37 *Смирнов М. И.* Указ. соч. С. 34–35.
- 38 *Филатьев Д. В.* Катастрофа Белого движения в Сибири, 1918–1922. Впечатления очевидца. Paris: YMCA-Press, 1985. С. 15.
- 39 *Смирнов М. И.* Указ. соч. С. 37.
- 40 *Савич Н. В.* Указ. соч. С. 173.

- 41 Черновик письма А. В. Колчака А. В. Тимиревой (около 17 июня 1917 года) // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 202 (примечание). В черновике эти слова были Колчаком зачеркнуты.
- 42 Там же.
- 43 То же, от 24 июня 1917 года, 2 и 17 января 1918 года // Там же. С. 203–204, 253, 259 (конъектура в прямых скобках — публикаторов документа).
- 44 *Смирнов М. И.* Указ. соч. С. 40.
- 45 *Клерже Г. И.* Революция и гражданская война. Личные воспоминания. Ч. I. Мукден: типография газеты «Мукден», 1932. С. 22.
- 46 *Смирнов А.* Указ. соч. С. 19.
- 47 Протокол допроса Н. Д. Миронова Чрезвычайной комиссией для расследования дела о генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках от 19 сентября 1917 года // Дело генерала Л. Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. — июнь 1918 г. Т. 2. Показания и протоколы допросов свидетелей и обвиняемых. 27 августа — 6 ноября 1917 г. М.: Международный фонд «Демократия»; издательство «Материк», 2003. (Россия. XX век. Документы). С. 250.
- 48 Цит. по: «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 207 (комментарий).
- 49 Показание прапорщика В. С. Завойко Чрезвычайной комиссии... от 6 октября 1917 года // Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 2. С. 103, 106; см. также с. 546 (примечание).
- 50 Показание генерала-от-инфантерии Л. Г. Корнилова Чрезвычайной комиссии... от 2–5 сентября 1917 года // Там же. С. 197.
- 51 *Деникин А. И.* Указ. соч. Т. II. С. 29.
- 52 *Врангель П. Н.* Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Ч. I // Белое Дело. [Кн.] V. [1928]. С. 12.
- 53 *Семенов Г. М.* О себе. Воспоминания, мысли и выводы. [Харбин?], 1938. С. 47.
- 54 Там же. С. 48–49.
- 55 Там же. С. 46.
- 56 Протокол допроса Н. Д. Миронова... С. 250.
- 57 *Деникин А. И.* Указ. соч. Т. II. С. 37.
- 58 *Кожин В. В.* «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). 2-е изд., дополненное. М., 1998. С. 57.
- 59 Черновик письма А. В. Колчака А. В. Тимиревой от 29 сентября 1917 года // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 229.

- 60 *Малышкин А. Г.* Указ. соч. С. 392, 394.
- 61 *Севский В.* [*Краснушкин В. А.*]. Борис Савинков // *Донская Волна*. 1918. № 6, 15 июля [старого стиля]. С. 1.
- 62 *Курганов В.* [*Краснушкин В. А.* ?]. Адмирал Колчак // Там же. № 24, 25 ноября [старого стиля]. С. 5–6.
- 63 *Волошин М. А.* Россия распятая // Из творческого наследия советских писателей. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1991. С. 83.
- 64 Черновики писем А. В. Колчака А. В. Тимиревой без даты (август 1917 года), от 21 и 30 декабря 1917 года // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 219, 234, 247.
- 65 То же, без даты, после 17 января 1918 года // Там же. С. 264.
- 66 То же, от 21 декабря 1917 года // Там же. С. 233.
- 67 Две недели событий на Дону. Из дневника неизвестного офицера // Белый Архив. Сборники материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т. п. под редакцией Я. М. Лисового. [Т.] II–III. Париж, 1928. С. 206.
- 68 Черновики писем А. В. Колчака А. В. Тимиревой от 2 января 1918 года и без даты (после 17 января 1918 года) // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 253 (примечание), 274.
- 69 Протокол № 5 допроса адмирала А. В. Колчака от 27 января 1920 года // Верховный Правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А. В. Колчака. М., 2003. С. 53.
- 70 Черновик письма А. В. Колчака А. В. Тимиревой от 30 декабря 1917 года // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 246.
- 71 Там же. С. 246–247.
- 72 *Семенов Г. М.* Указ. соч. С. 73.
- 73 Протокол № 6 опроса адмирала А. В. Колчака от 28 января 1920 года // Верховный Правитель России... С. 57.
- 74 *Семенов Г. М.* Указ. соч. С. 74.
- 75 Телеграмма российского генерального консула в Шанхае российскому посланнику в Пекине от 11 февраля 1918 года (номер в публикации не указан) // Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 — октябрь 1918 г.). Документы и материалы. Владивосток, 1997. С. 127 (документ № 144).
- 76 Черновик письма А. В. Колчака А. В. Тимиревой от 16 марта 1918 года // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 284.
- 77 Протокол № 6 опроса адмирала А. В. Колчака... С. 57.
- 78 Черновик письма А. В. Колчака А. В. Тимиревой от 30 декабря 1917 года // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 247.

- 79 То же, без даты (позднее 30 января 1918 года) // Там же. С. 275.
- 80 Телеграмма посланника США в Пекине Государственному Секретарю США от 30 апреля 1918 года (номер в публикации не указан) // Подготовка и начало интервенции... С. 198 (документ № 222); Протокол № 6 опроса адмирала А. В. Колчака... С. 59.
- 81 Телеграмма посланника США в Пекине Государственному Секретарю США от 5 июня 1918 года (номер в публикации не указан) // Подготовка и начало интервенции... С. 205 (документ № 235).
- 82 Протокол № 7 опроса адмирала А. В. Колчака от 30 января 1920 года // Верховный Правитель России... С. 70.
- 83 Протокол № 1 допроса А. В. Тимиревой от 24 января 1920 года // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 320.
- 84 Телеграмма Председателя Совета Министров Временного Правительства Автономной Сибири неустановленному лицу от 21 марта (стиль неясен) 1918 года (номер в публикации не указан) // Подготовка и начало интервенции... С. 142 (документ № 165).
- 85 Протокол № 7 опроса адмирала А. В. Колчака... С. 72.
- 86 Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 40307, оп. 1, д. 35, лл. 97–100, [100^а] (номер последнего листа пропущен).
- 87 См., например: Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 79–80.
- 88 *Серебренников И. И.* Указ. соч. Т. I. С. 228.
- 89 Цит. по: Верховный Правитель России... С. 42 (комментарий).
- 90 *Лембич М. С.* Великий печальник. [Омск, 1919]. С. 6.
- 91 *Болдырев В. Г.* Директория. Колчак. Интервенты: Воспоминания (из цикла «Шесть лет», 1917–1922 гг.). Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 86.
- 92 Протокол № 7 опроса адмирала А. В. Колчака... С. 69.
- 93 См. телеграммы Военного и Морского Министра Верховному Главнокомандующему от 12 ноября 1918 года за № 3 и от 14 ноября без номера. РГВА. Ф. 40307, оп. 1, д. 35, лл. 30, 32 об.
- 94 Д. Л. Хорват. [Владивосток?], [1918?]. С. 16–17.
- 95 Свод Законов Российской Империи. Издание неофициальное. Кн. I. СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. С. 3.
- 96 См.: *Гинс Г. К.* Указ. соч. Т. I. С. 310.
- 97 Конституция Уфимской директории // Архив Русской Революции. [Т.] XII. 1923. С. 190.
- 98 Положение о временном устройстве государственной власти в России от 18 ноября 1918 года // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 117–118.

- ⁹⁹ «К населению России». Обращение Верховного Правителя от 18 ноября 1918 года // Там же. С. 117.
- ¹⁰⁰ Конституция Уфимской директории. С. 191.
- ¹⁰¹ Цит. по: *Гинс Г. К.* Указ. соч. Т. I. С. 315.
- ¹⁰² Ответ Верховного Правителя на ноту «союзных и соучаствующих держав» от 26 мая 1919 года // Россия и союзники. Обмен нотами между Союзными державами и Верховным Правителем России адмиралом Колчаком. Киев: Союз Возрождения России; Главный комитет на Украине, 1919. (Издания «С. В. Р.»; № 2). С. 7.
- ¹⁰³ *Булыгин П. П.* Убийство Романовых / Обратный перевод с английского. М.: Academia, 2000. С. 45.
- ¹⁰⁴ *Миков А. А.* Что делать с Мишкой Романовым? [Отрывок] // Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы. Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. Пермь: издательство «Пушка», 1996. С. 170.
- ¹⁰⁵ *Волошин М. А.* Пути России. Цит. по: Из творческого наследия советских писателей. С. 100 (комментарий).
- ¹⁰⁶ Устав полевой службы. СПб.: Военная Типография, 1912. С. 63, 149, 221 (статьи 134-я, 378-я, 556-я).
- ¹⁰⁷ Письмо Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего Атаману Всевеликого Войска Донского от 28 июня 1919 года за № 95 // Белый Архив. [Т.] I. 1926. С. 137.
- ¹⁰⁸ *Гинс Г. К.* Указ. соч. Т. I. С. 309.
- ¹⁰⁹ Письмо А. В. Колчака С. Ф. Колчак от 15–20 октября 1919 года. Цит. по: *Колчак Р. А.* Указ. соч. С. 18.
- ¹¹⁰ Речь Верховного Правителя к солдатам [12 августа 1919 года] // Наш Край. Хабаровск, 1919. № 6, 22 августа. С. 2.
- ¹¹¹ *Климушкин П. Д.* Гражданская война на Волге [отрывок] // Россия антибольшевистская. С. 81.
- ¹¹² *Серебренников И. И.* Указ. соч. Т. I. С. 218.
- ¹¹³ *Перченко Ф. Ф.* О нем, о ней, о них // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 33.
- ¹¹⁴ *Колчак А. В.* Служба Генерального Штаба // *Колчак В. И., Колчак А. В.* Избранные труды. С. 264–265, 270, 274.
- ¹¹⁵ Протокол № 8 допроса адмирала А. В. Колчака от 4 февраля 1920 года // Верховный Правитель России... С. 78.
- ¹¹⁶ Там же. С. 81.
- ¹¹⁷ «К населению России». Обращение от 18 ноября 1918 года. С. 117.
- ¹¹⁸ Декрет о земле Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов от 26 октября 1917 года. Цит. по факсимильному воспроизведению в: История Гражданской войны в СССР (так! — А. К.). 2-е изд. Т. 2. Великая пролетарская революция (ок-

- тябрь — ноябрь 1917 года). М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. Вкл. с. 288/289.
- 119 Приказ Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России 21 ноября 1918 года № 44. РГВА. Ф. 39499, оп. 1, д. 4, л. 7.
- 120 См.: *Таскаев М. В.* Печорский фронт в 1919 году // Белая Армия. Белое Дело. Исторический научно-популярный альманах. № 4. Екатеринбург, 1997. С. 75–78.
- 121 *Филатьев Д. В.* Указ. соч. С. 62.
- 122 Там же. С. 60.
- 123 Сообщено автору Н. Д. Егоровым.
- 124 *Филатьев Д. В.* Указ. соч. С. 60–61.
- 125 Доклад начальника штаба Верховного Главнокомандующего Верховному Главнокомандующему от 21 января 1919 года за № 2639. РГВА. Ф. 40307, оп. 1, д. 35, лл. 200 и об., 201.
- 126 Черновик доклада, составленный в январе (дата не проставлена) 1919 года. Там же. Л. 207 и об.
- 127 Расшифровка телеграммы генерала М. К. Дитерихса начальнику штаба Верховного Главнокомандующего (без даты и номера, расшифрована 18 декабря 1918 года). Там же. Л. 95.
- 128 См.: *Иностранцев М. А.* Первое поручение адмирала Колчака // Белое Дело. [Кн.] I. [1926]. С. 105.
- 129 *Филатьев Д. В.* Указ. соч. С. 58, 80.
- 130 *Мейбом Ф. Ф.* Гибель 13-й Сибирской Стрелковой дивизии в боях под гор. Челябинском в 1919 г. // Первопоходник. Летопись Белой Борьбы. № 18. Los Angeles: издание Объединения Первопоходников, апрель 1974. С. 61.
- 131 *Будберг А. П.* Указ. соч. // Архив Русской Революции. [Т.] XIV. С. 241.
- 132 *Вырыпаев В. О.* Каппелевцы // Вестник Первопоходника. Ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий. № 36. Los Angeles: издание Калифорнийского Общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода, сентябрь 1964. С. 8.
- 133 *Дневник П. В. Вологодского.* (Из хроники антибольшевистского движения в Сибири.) // Россия антибольшевистская. С. 140 (запись от 6 февраля 1919 года).
- 134 Рапорт майора Моринса... С. 54–55.
- 135 Цит. по: *Перченко Ф. Ф.* Указ. соч. С. 7.
- 136 *Гинс Г. К.* Указ. соч. Т. II. С. 124–125.
- 137 *Будберг А. П.* Указ. соч. // Архив Русской Революции. [Т.] XIV. С. 271.
- 138 Приказ Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России 21 ноября 1918 года № 43. РГВА. Ф. 39499, оп. 1, д. 4, л. 7.

- 139 *Фон Шлиффен А.* Речь, произнесенная 25 ноября 1900 г. на банкете в Генеральном Штабе по случаю столетия со дня рождения генерал-фельдмаршала графа Мольтке // *Фон Шлиффен А.* Канны. С приложением избранных статей и речей / Перевод с немецкого. М.: Воениздат, 1936. С. 377.
- 140 Там же. С. 378.
- 141 Письмо А. В. Колчака А. В. Тимиревой от 21 декабря 1917 года // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 234.
- 142 *Будберг А. П.* Указ. соч. // Архив Русской Революции. [Т.] XIV. С. 281–282, 332–333.
- 143 *Гинс Г. К.* Указ. соч. Т. I. С. 5.
- 144 *Будберг А. П.* Указ. соч. // Архив Русской Революции. [Т.] XIV. С. 226.
- 145 Цит. по: *Езеев А. Б.* К вопросу о «допустимости», «легитимности» и «правомочности»... (Из истории Георгиевских наград на Востоке России в 1918–1919 гг.) // Военная Быль. № 4 (133). М., октябрь — декабрь 1993. С. 10.
- 146 *Князев В. В.* Благословение Патриархом Тихоном Адмирала А. В. Колчака. [Из книги ротмистра Князева «Жизнь для всех и смерть за всех»] // Наши Вести. Издание Союза чинов Русского Корпуса. № 458/2759. Santa Rosa (USA) — СПб., март 2000. С. 6–7.
- 147 Пребывание Верховного Правителя в Перми // Сибирский Благовестник. Еженедельный орган церковно-общественной жизни и мысли, издаваемый при Высшем Временном Церковном Управлении. Омск, 1919. № 2, 15–30 марта [нового стиля?]. С. 15.
- 148 Крестные ходы в гор[оде] Омске // Там же. С. 16.
- 149 *Гинс Г. К.* Указ. соч. Т. II. С. 368.
- 150 Письмо начальника 7-й Уральской дивизии Горных Стрелков Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему от 12 декабря 1918 года за № 01500. РГВА. Ф. 40307, оп. 1, д. 35, л. 87 об.
- 151 Там же. Л. 88.
- 152 *Котомкин А. Е.* О Чехословацких Легионерах в Сибири. 1918–1920. Воспоминания и документы. 3-е изд. [Orange (USA)]: Antiquary, 1987. С. 32–33.
- 153 См. там же. С. 47–48, 50.
- 154 Отношение 2-го Генерал-Квартирмейстера 1-му Генерал-Квартирмейстеру Штаба Верховного Главнокомандующего от 30 ноября 1918 года за № 18 секр. РГВА. Ф. 40307, оп. 1, д. 35, л. 101.
- 155 См. доклад начальника Организационного отдела Управления 2-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного 2-му ге-

- нерал-квартирмейстеру от 30 ноября 1918 года за № 17. Там же. Л. 48.
- 156 Доклад 2-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного Главнокомандующего начальнику штаба от 25 ноября 1918 года (номер не проставлен). Там же. Л. 52.
- 157 Письмо председателя Временного Югославянского Национального Совета в России Верховному Правителю от 26 ноября 1918 года за № 103. Там же. Л. 60.
- 158 «К населению России». Воззвание Верховного Правителя от 24 июля 1919 года // Россия антибольшевистская. С. 120.
- 159 Рапорт майора Моринса... С. 55.
- 160 Гинс Г. К. Указ. соч. Т. II. С. 458.
- 161 Там же. С. 83.
- 162 Жанен М. Указ. соч. С. 109 (запись за 14–17 декабря 1918 года).
- 163 Переговоры о сдаче власти Омским правительством Политическому центру в присутствии Высоких комиссаров и высшего командования союзных держав // Колчаковщина. С. 183–184.
- 164 Гинс Г. К. Указ. соч. Т. II. С. 332.
- 165 Протокол № 6 опроса адмирала А. В. Колчака... С. 60.
- 166 Телеграмма Совета Министров Верховному Правителю от 3 января 1920 года за № 9442 // Последние дни колчаковщины. С. 162–163 (документ № 80).
- 167 Волков Е. В. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М. В. Ханжина. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1999. С. 164.
- 168 Жанен М. Указ. соч. С. 138 (запись от 23 января 1920 года).
- 169 Телеграмма Председателя Совета Министров его заместителю от 10 декабря 1919 года, без номера // Последние дни колчаковщины. С. 148 (документ № 67).
- 170 Деникин А. И. Указ. соч. Т. V. Вооруженные силы Юга России. [Берлин]: книгоиздательство «Медный Всадник», [1926]. С. 103.
- 171 Корнатовский Н. А. Основные этапы развития восточной контрреволюции // Колчаковщина. С. 13.
- 172 Деникин А. И. Указ. соч. Т. V. С. 310.
- 173 Там же. С. 220.
- 174 Парфенов (Алтайский) П. С. Борьба за Дальний Восток. 1920–1922. [Л.]: Прибой, 1928. С. 40–42.
- 175 Указ Верховного Правителя от 4 января 1920 года приводится по факсимильному воспроизведению в: Семенов Г. М. Указ. соч. Вкл. с. 136/137.
- 176 См.: Ципкин Ю. Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.). Хабаровск: ХГПУ, 1996. С. 49 (примечание).

- 177 *Парфенов П. С. (Алтайский П.)*. Гражданская война в Сибири. 1918—1920. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: Государственное Издательство, [1924?]. С. 6.
- 178 См.: Верховный Правитель России... С. 12—13.
- 179 Цит. по: *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. (След в Истории). С. 274.
- 180 Страницы биографии Мориса Жанэна / Перевод с французского // История Белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. С. 234.
- 181 Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь, от 5 (18) апреля 1918 года, пункт 3 // Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. III. М.: издание Соборного Совета, 1918. (Приложение к «Деяниям» второе). С. 55.
- 182 *Орехов В. В.* Трагедия Адмирала Колчака // Часовой. № 294 (2). Вихеллес, февраль 1950. С. 3.
- 183 *Бушин А. Ю.* Будет ли похоронен адмирал А. В. Колчак? // Наши Вести. № 459/2760. Июнь 2000. С. 6—7.
- 184 *Дитерихс М. К.* Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале. Ч. I. Владивосток: [типография Военной Академии], 1922. С. 312.
- 185 *Бунин И. А.* Его вечной памяти. [К годовщине гибели адм. А. В. Колчака] // *Бунин И. А.* Великий дурман. Неизвестные страницы. М.: Совершенно секретно, 1997. С. 88.
- 186 *Елисеев Ф. И.* Одиссея по Красной России. Брошюра № 13. Нью-Йорк, 1964. С. 21, 25. Автор благодарит П. Н. Стрелянова (Калабухова), указавшего ему этот источник.